

За твоими глазами

Автор:

Лина Соле

За твоими глазами

Лина Соле

За твоими глазами целый необъятный мир. Кто ты сегодня? Подруга, отмечающая день рождения в кругу близких друзей? Дочь, обещавшая отцу прийти пораньше, чтобы не печалить его? Девушка, позволившая себе снова влюбиться? А способна ли ты... Прощать? Принять? Предать? «За твоими глазами» – роман-пазл, только собрав детали которого, можно задать себе те же вопросы, которые мучают героев. Предупреждение: обилие откровенных сцен и увлекательная возможность попытаться понять переменчивую женскую натуру. Содержит нецензурную брань.

Лина Соле

За твоими глазами

ЧАСТЬ 1

ОН никогда не узнает, что я был здесь сегодняшней ночью. Смотрел на нее, как смотрел бы он. Любовался. Запоминал. Спящая, она особенно нежна. Я вообразил, что у нее светлые глаза, возможно, голубые. Они бы, несомненно, подходили к ее золотисто-русым волосам, так небрежно раскиданным сейчас по подушке. Ровное дыхание чуть приподнимает грудь, соблазнительные очертания ее тела видны сквозь тонкую ткань. Она мучительно красива. Но я даже мысленно не позволяю себе коснуться ее, одного непростительного и

вожделенного касания было бы достаточно, чтобы обнаружить мое незваное присутствие в чужой темной комнате. Мне следует быть осторожным. Незаметным. Почти несуществующим. И все-таки я здесь. Рядом с ней. Она никогда не узнает, что я был здесь сегодняшней ночью.

Июнь

Глава 1

Свет стробоскопа сводил с ума. Я прикрыла глаза, но через опущенные веки все равно видела пляшущие вспышки в сотне хаотичных направлений. «Только бы не упасть», – я тихонько захихикала собственной мысли и, распахнув глаза, вернулась в яркий слепящий реальный мир. Напротив меня с тигриным неистовством и нарочитой сексуальностью танцевала Марго. Поймав мой взгляд, она прокричала сквозь оглушительную музыку:

– Двадцать пять! Детка, тебе двадцать пять! Ура! – взяв меня за руки, она принялась вовлекать меня в свой экспрессивный танец, я лишь нелепо подстраивалась под ее профессиональные движения. Ноги уже ныли, зря я надела новые туфли, они оказались слишком неудобными, хоть и чертовски красивыми.

– Я устала, – прокричала я ей на ухо.

– Не-е-ет, – деланно захныкала она, по-детски обиженно замотала головой и еще крепче вцепилась мне в руки. Я обернулась в поисках поддержки, за нашим столом в компании двух парней сидели Эмма и Дана, полностью погруженные в небылицы новых знакомых.

– Хорошо, еще одну песню, – я смиренно вздохнула, а Марго, взвизгнув, притянула меня в объятия. В еще больший восторг ее привела сменившаяся мелодия, она обожала эту песню, набившую мне оскомину с начала лета. Но сейчас я была рада услышать что-то знакомое в бесконечном потоке драйвовой,

но однообразной клубной музыки. Марго легкомысленно отпустила меня из объятий, предоставляя мне полную свободу сбежать с танцпола, и полностью растворилась в навязчивом бите и незамысловатом тексте. Я смотрела на ее точеные движения, плавные руки и эротичные бедра. Она всю жизнь занималась танцами и была сейчас в своей стихии. Я, безусловно, завидовала ее раскрепощенности и таланту, но больше восхищалась ею и радовалась, что она была рядом со мной не только сейчас, но последние шестнадцать лет.

– Ой, – я отпрянула от кого-то схватившего меня за локоть.

– Майя? – на меня смотрели знакомые серые глаза, казавшиеся почти прозрачными в белоснежном свете вспышек стробоскопа.

– Тони! – закричала я так громко не столько из-за громкой музыки, сколько от радости неожиданности встречи. Он очаровательно улыбнулся, прищулив глаза, и что-то сказал, но я не расслышала и покачала головой.

– Я рад тебя видеть, – повторил он, наклонившись ближе. – Столько лет прошло!

– Лет десять, не меньше, – мне пришлось говорить почти ему в ухо, я почувствовала легкий пряный аромат его парфюма. Чтобы не полагаться только на ненадежный вербальный контакт, Тони слегка касался моей руки прохладными пальцами, вероятно, он недавно пришел с улицы.

– Ты здесь с друзьями?

– Да, – я указала на Марго, самозабвенно танцевавшую поблизости. Она будто купалась в вибрирующем ритме, пикантно проводя руками по шее, запуская пальцы в длинные каштановые волосы. Я заметила, как Тони улыбнулся уголком губ и быстро осмотрел подругу с ног до головы, затем вернулся взглядом ко мне и кивнул. «Черт, – отметила я про себя укол ревности, – Марго слишком соблазнительная». – А ты, Тони?

– У нас что-то вроде мальчишника, – он пожал плечами и усмехнулся, но не стал развивать тему, всем и так было ясно, что обычно происходило на мальчишниках. – Я тебя давно заметил.

– О, – я смущенно улыбнулась, почему-то перед глазами всплыли мои неумелые движения рядом с опытной танцовщицей Марго. Я услышала, как одна мелодия незаметно сменилась другой, и рядом раздался голос подруги:

– Мэй?

Я представила Марго Тони, сказав, что мы с ним учились в одной школе, и в нерешительности глянула на подругу: пойти с ней к нашему столику, как мы договорились прежде, или еще поговорить с Тони. Хотя назвать перекрикивание музыки разговором было возможно лишь с натяжкой.

– Можно пригласить тебя? – Тони протянул мне руку и сказал, обращаясь к Марго. – Я украду ее только на один танец, обещаю.

Марго рассмеялась самой невинной улыбкой, а в темных глазах плясали пьяные чертики: «Ну конечно!»

Музыка стала не такой быстрой, но и не слишком подходила для медленного танца. Тем не менее, Тони легонько обхватил меня за талию и продолжил прерванную беседу. Стоило отметить, что при такой близости говорить было значительно легче.

– Чем ты сейчас занимаешься?

– Я работаю в одной небольшой компании аналитиком, – ответила я. Мы качались абсолютно не в такт музыке, но это не имело значения. С учетом моих высоченных каблуков, мы были одного роста. «Ох, до чего же неудобные каблуки!» – мучительно напомнил внутренний голос. Однако я уже не хотела садиться за столик, чтобы отдохнуть, мне, впрямь, было интересно узнать, как сложилась жизнь Тони после его выпуска из школы. Он был на пару лет старше меня, но мы были кратко знакомы – около полугода ходили вместе на курсы актерского мастерства в школьном театральном кружке.

– Значит, окончила экономический? А как же театр? – он улыбнулся, сверкнув слишком белыми в неоновом свете зубами. Я вспомнила, как мне нравилась его улыбка в школьные годы. Его нельзя было назвать красавчиком в привычном понимании, скорее, обычный парень: серые глаза, русые волосы, крупный нос, тонкая линия губ. Однако он обладал скрытой харизмой, которая проявлялась в

деталях: зазорные морщинки около глаз, когда он смеялся, или пронзительный голос, откуда-то из глубины, когда он читал сложные едва складные отрывки из неизвестных мне стихотворений в театральном кружке.

– Да, театр оказался недолгим увлечением, – ответила я. Действительно, после выпуска старшеклассников, на будущий год занятия в театральном кружке оказались не такими интригующими и волнительными. Но уточнять причины я не стала. – А ты? Куда ты поступил, где сейчас работаешь?

– Я учился за границей, но пришлось вернуться, – он серьезно заглянул мне в глаза, я заинтересованно ждала продолжения, – сейчас у нас с другом крошечная фирма, мы занимаемся разработкой приложений и игр.

– Ого! Здорово! – я была восхищена его успехами. И, конечно, не могла не подколоть. – Значит, ты выбрал предпринимательство, а не театр?

– Скорее уж Ай-Ти, предпринимательство – слишком громко сказано. Мы даже еще не вышли на прибыль, – он грустно усмехнулся.

– Тогда желаю твоей компании успехов и большой Ебитды, – подбодрила я.

– Что-что? – Тони уставился на меня, будто я сказала невесть какую пошлость, но от его серьезного взгляда я расхохоталась. Мы больше не качались не-в-ритме-музыки, а просто стояли посреди прыгающих и извивающихся в танце людей.

– Это такой показатель, EBITDA или операционная прибыль компании, – пояснила я. Сыпать профессиональными терминами в любой беседе – уже вошло в привычку.

– А-а, – улыбнулся, наконец, Тони и притянул меня поближе, – жаль, у меня нет такого экономиста, как ты. Пока бухгалтером у меня работает одна престарелая мадам, но ты навела меня на мысль, что пора что-то менять, пожалуй, она бы тоже не поняла, что такое Ебитда.

– Ой, я не хотела обидеть твоего бухгалтера, прости, – почему-то мне стало очень весело, пожалуй, больше из-за трех выпитых коктейлей, чем от неосведомленности «престарелой» сотрудницы Тони.

– Что ж, песня закончилась, а твоя подруга скоро просверлит во мне дырку, – он отстранился, я оглянулась на Марго, которая быстро отвела взгляд, будто вовсе не следила за нами. Я снова рассмеялась: все было так нелепо и неестественно, обычно я сидела за столиком, пока Марго танцевала с которым-то вечером ухажером. – Я, правда, очень был рад тебя увидеть, Майя.

Мы пошли в сторону нашего столика, Эмма смотрела на нас, но без особого интереса, видимо, Марго рассказала, что Тони – мой давний знакомый. Когда мы подошли и кратко познакомились, Тони сказал мне на ухо:

– Майя, слушай, у тебя есть какие-то планы после клуба?

– Вообще-то, нет, но тебя, наверное, ждет что-то увлекательное на мальчишнике, – подмигнула я.

– Пожалуй, – Тони рассеянно рассмеялся и убрал волосы со лба. – Но я бы предпочел провести время не в таких злых заведениях.

– Мэй, детка, мы заказали еще коктейли, – вторглась в разговор нетерпеливая Марго. – Выпить за подругу в такой день – святое дело.

Тони удивленно посмотрел на меня, Марго поспешила пояснить: «У Майи сегодня день рождения».

– Ого, ты мне не сказала. С днем рождения! – Тони робко обнял меня, сопровождаемый любопытными взглядами подруг. На ухо он шепнул мне (довольно громко из-за музыки, но слышно только мне). – Желаю тебе быть очень счастливой и следовать за своими мечтами.

– Спасибо, Тони, – также громко прошептала я, после чего он выпустил меня из объятий.

– Тогда не смею тебя задерживать, именинница, отдыхай, – он сделал шаг назад и почти развернулся, чтобы пойти прочь.

– Тони, если вы еще не уйдете через час, то... – я незаметно глянула на Марго, но она была занята разговором с Эммой, – то я свободна.

Лучики морщинок протянулись от добрых серых глаз Тони, он, улыбнувшись, кивнул мне и пошел к своим друзьям продолжать прерванный мальчишник.

– Так-так, куда направился твой кавалер? – прильнула Марго с привычными расспросами.

– К своим друзьям, куда же еще, – я была так весела впервые с начала празднования дня рождения.

– Он ничего, – придвинулась поближе Эмма. – Вы давно знакомы?

– Со школы, но мы мало тогда общались, ходили вместе в театральный кружок.

– Ты ему нравишься, – лукаво произнесла Марго.

– Прекрати, мы не виделись десять лет! Просто поболтали, – начала защищаться я, но отметила про себя, что ее комментарий был мне весьма приятен.

– Дамы, ваши напитки, – удивительно милый официант, которому мне придется оставить слишком большие чаевые за молниеносность и чрезмерную вежливость, расставлял на крошечном столике высокие бокалы с неизвестными мне коктейлями. Точнее, напиток Марго был мне слишком хорошо знаком – недвусмысленный «Секс на пляже» – высокий фигурный бокал с красновато-оранжевой жидкостью и долькой ананаса на краешке. Прочие бокалы пестрили красками внутри и украшениями снаружи: витые трубочки, клубника и сахарная посыпка. Вот он – девичий рай.

– Простите, это для меня, – Марго быстро потянулась к «Сексу на пляже», еще до того, как официант успел отойти. Я заметила, как он нырнул взглядом в декольте Марго, замаскировав свое мужское естество под учтивый кивок, после чего удалился. Я хихикнула. Она всегда производила одинаковое впечатление на мужчин, что было естественно – такая красавица.

– Детка, тебе – Шампань-фреш, как же без шампанского в день рождения, – Марго подняла высокий бокал, украшенный клубникой, и протянула его мне.

– Ты меня спить решила? – надулась я, но поскорее забрала бокал из ее рук. – Я же завтра не встану!

– Так не ложись! – раздался сзади громогласный голос Даны, она была потная и раскрасневшаяся от танцев, рядом держался ее новый знакомый, кажется Макс. Или Дэн, не помню, кто из парней как представился. Второй, вероятно Дэн, который очаровал Эмму, куда-то исчез.

– За тебя, дорогая, – девочки подняли бокалы, Макс тоже поднял свой недопитый виски и чокнулся вместе с нами, будто давний друг. – Ты думала, что все подарки на сегодня закончились?

– Давай, Дана, доставай, – пропищала Эмма, Марго округлила глаза, готовая прыснуть, как только я увижу, что там.

Продолговатая черная коробка с пошлым красным бантиком. Слишком продолговатая и слишком квадратная в сечении, чтобы быть чем-то иным.

– Открой, – голос Эммы стал совсем тонким, Марго прикусила губу, а Дана невозмутимо держала подарок на вытянутых руках, вручая его, как самое драгоценное из всего подаренного сегодня. Только «новенький» в нашей компании, кажется, не догадывался, что может быть в коробке, или же убедительно сохранял приличное любопытное выражение на лице.

– Я не уверена, что хочу открывать подарок ЗДЕСЬ, – прошипела я так зло, что Марго все-таки не выдержала и расхохоталась, заражая смехом Эмму.

– Ты стала совсем взрослой, – серьезно начала Дана, но ее слова поглотил ставший еще более оглушительным смех девочек.

– Открой, давай, Мэй, тебе нечего стесняться, – Марго обняла меня за плечи. Я злилась, я не хотела при всех, особенно при каком-то незнакомом парне – этом Максе, доставать интимные шуточки от своих подруг.

– Ну ладно, шутницы, – я потянула за язычок крышки и перевернула коробку вертикально. На руку мне упал тяжелый цилиндрический предмет, но совсем не то, что я ожидала увидеть. Коричневая кожа с тиснением по всей длине, а

сверху – стеклянное завершение. Я покрутила в руках вещицу и на глазах выступили слезы. Калейдоскоп.

Марго чмокнула меня в лоб и прошептала: «Понравилось наше маленькое представление?» Я крепко обняла ее и заплакала ей в шею. Она помнила, как я сто лет назад рассказывала ей о том, что значила для меня эта вещь.

Калейдоскоп – был маминым подарком незадолго до ее гибели. Мой старенький калейдоскоп сломался много лет назад, папа пытался починить, но как было, увы, не получилось. Марго помнила, все эти годы.

– Я люблю тебя, – она гладила меня по волосам, и я успокоилась.

– Спасибо, – я обвела всех взглядом, в глазах девочек тоже стояли слезы. Видимо, Марго рассказала им мою историю, а затем они придумали злорадно замаскировать такой трогательный подарок под обыкновенную пошлость. Только Макс, такой неуместный на моем празднике, непонимающе оглядывал всех, пытаясь понять причину нашего поведения: сначала смех, а затем – слезы.

Глава 2

– Ты уверена, что все будет хорошо? – понизив голос, спросила Марго, стоя у открытой двери такси.

– Конечно, не переживай, – я чмокнула ее в щеку и погладила по плечу. – Спасибо тебе за праздник и... подарок.

– Я рада, что тебе понравилось.

– Марго! – нетерпеливо позвали девочки, уже усевшиеся в такси. Я тоже должна была ехать с ними, но планы изменились.

Марго выразительно глянула на меня, затем мне через плечо, на Тони, и, не произнеся ни слова больше, грациозно сверкнула длинными голыми ногами в темном салоне автомобиля.

Я проследила, как машина отъехала и скрылась за поворотом, позади все еще гудела клубная музыка. Мне давно не было так хорошо и весело.

– Кажется, она меня невзлюбила, – усмехнулся подошедший ближе Тони.

– Вовсе нет, – я обернулась и улыбнулась ему. Я была рада, что смогу еще немного поболтать с ним, хотя глубокая ночь и довольно ощутимое опьянение могли сыграть со мной не по правилам: уснуть на прогулке с Тони, где бы мы ни оказались – лавочка в парке или уютный диван кафе – совершенно не хотелось.

– Тебе не холодно? Надень мой пиджак, – он начал снимать его, но я, как и в первый раз, когда мы вышли на улицу, вежливо отказалась. Мне, правда, было не холодно. Летняя ночь была удивительно теплой.

– Куда поехали твои друзья? – сменила я тему, чтобы Тони не чувствовал себя обязанным любыми силами укутать меня в свой пиджак.

– Бар, стрип-клуб, другой стрип-клуб. Все по самым стереотипным стандартам.

– Не жалеешь, что не поехал с ними? Будут завтра рассказывать тебе интересные истории, которые ты пропускаешь.

– Ты что, хочешь, чтобы я помчался их догонять? – засмеялся он. – Или... может, хочешь поехать сама, чтобы продолжить свой день рождения, смотря на голых девиц.

– Что? – я почувствовала, как вспыхнули щеки. – Нет уж, спасибо.

Почему-то одна только мысль оказаться в стрип-клубе вызывала смущение. Я вовсе не была ханжой, но, пожалуй, к таким радикальным методам веселья не была готова.

– Хорошо, но, если что, я знаю, где их найти. Только скажи... – подмигнул Тони. Ему явно нравилось вгонять меня в краску. Я глянула на него исподлобья и пошла в сторону парка. – Эй, Майя, ты куда рванула?

Он нагнал меня и пошел рядом, то и дело поглядывая на меня. То, что мы были знакомы когда-то давно, не делало наше общение проще, я совсем ничего о нем не знала. Мне не понравилась такая смена собственного настроения: сначала я радовалась возможности поболтать, и вот, злилась на нелепые шуточки Тони. Видимо, алкоголь в крови маятником разгонял мои гормоны то в одну, то в другую сторону, от бурлящего воодушевления к резко накатывающей грусти и обратно.

– Ты давно так гуляла? – тихо спросил Тони. – Я уже не помню, когда последний раз бродил по ночному городу.

– Иногда, – я пожала плечами. И решила добавить, чтобы не звучать неоднозначно, – Марго периодически вытаскивает меня в клубы, и после мы прогуливаемся, если не сильно устали.

– Не опасно гулять двум девушкам одним? – он нахмурился и быстро оглядел меня: короткое синее платье, серебристые туфли на высоких каблуках, чем не проститутка на работе.

– В таком виде, ты имеешь в виду? – злобный сарказм просочился в мои слова.

– Ты выглядишь потрясающе, – он покачал головой, – просто... это не очень-то безопасно.

Захотелось сказать что-то обидное в духе: «Я одеваюсь и веду себя так, как хочу» или «Я не какая-то шлюха», но я промолчала, прикусив губу. Мои разговоры с отцом были слишком похожи на этот, и я знала, чем они заканчивались. Всегда одно и то же – крики, обиды, после – нелепые недолгие примирения. Я часто вела себя дома, как глупая стерва, но мне хотелось ощутить свободу, напиться ей до краев. Разве молодость – не самое время для безрассудств и веселья? Хотя часто я постфактум винила себя за свои слова и поступки, папа не желал мне зла, и ему было, что терять. Маму он уже потерял, а теперь мог лишиться и единственной дочери: упрямой, несносной, но очень любимой.

– Ты устала? – Тони вырвал меня из нерадостных воспоминаний.

– Кажется больше, чем думала. И... – я остановилась и поняла, как сильно гудят мои ноги. – Ты не против, если я пойду босиком?

Не дожидаясь ответа, я присела и начала расстегивать тонкие тугие ремешки. Тони переминался с ноги на ногу, не понимая, как реагировать на мое не слишком адекватное поведение. Ступив голый ногой на асфальт, я издала вздох блаженного облегчения. Когда я выпрямилась, держа обе туфли в руках, на моем лице, наконец, вновь заиграла счастливая улыбка.

– Я бы предложил тебя понести... – начал он, но я немедленно расхохоталась. Да, настроение мое значительно улучшилось, «гормональный маятник» внутри полетел в другую сторону, собирая все встречные дофамины и эндорфины, как в какой-то компьютерной игре.

– Все в порядке, если для тебя, конечно, не слишком странно, – я поправила выбившиеся волосы.

– Не слишком, – подмигнул он мне и тоже засмеялся. Вечер вновь повернул в веселое русло. – Без десяти три, через час – рассвет.

– Ого, ты даже знаешь, во сколько бывает рассвет?

– Я часто работаю ночами, поэтому знаю, когда уже бесполезно ложиться спать. Слушай, у меня появилась идея, только не знаю, насколько хорошая, – Тони задумчиво прищурил глаза. Я, конечно, была достаточно пьяной, чтобы не отличить банальный подкат от действительно неожиданной идеи, но мне было жутко интересно узнать продолжение.

– М-м-м? – вопросительно потянула я.

– Я не был там много лет и не знаю, подойдет ли ключ, – размышлял он вслух. – Хочешь встретить рассвет в необычном месте?

«Блин, что за ключ? Он точно задумал что-то гадкое, Марго была права», – подумала я, но сказала другое:

– Почему бы и нет.

Мы ускорили шаг, чтобы не пропустить рассвет. Без каблуков я могла хоть бежать, хоть лететь. В сквере не было ни единого человека, но с Тони мне не было страшно. «Если он сам не является угрозой», – пронзительно кричала моя «внутренняя» Марго.

– Расскажи, как тебе учеба за границей? – по пути мы болтали обо всем подряд.

– Сначала было сложно, непривычно. Другой язык, новая культура. Но когда заводишь друзей, все становится не так уж страшно, быстро вливаешься в разные компании, язык сам собой подтягивается, – задорно рассказывал Тони. – Совсем не похоже на школьный английский, когда не знаешь, какой глагол лучше сказать или какое время использовать.

– Здорово, не то, что на уроках Миссис «Ху-из-он-дьюти-тудэй»[1 - От англ. Who is on duty today? – кто сегодня дежурный] – всплыло давно позабытое прозвище школьной учительницы по английскому.

– Вы тоже ее так называли? Я думал, что наш класс придумал!

– Мне кажется, даже учителя ее так называли между собой, – мы вместе рассмеялись, вспоминая былые годы.

– Вы с Марго, Эммой и... забыл.

– Даной, – подсказала я.

– Точно. Учились вместе? Я помню только тебя.

– Только с Эммой, но она абсолютно не интересовалась театром, – пояснила я, почему он мог ее не помнить. Дана – моя студенческая подруга, а с Марго мы подружились, когда были детьми, я все школьные годы хотела перевестись в ее школу, а она – в мою. Но когда она с семьей снова переехала, мечты остались мечтами.

– Зато осталась дружба, – подбодрил Тони.

– Да. Сколько часов мы проболтали по телефону, даже сосчитать невозможно! Наверное, нужно возместить папе все телефонные счета за последние пятнадцать лет, – улыбнулась я.

– Майя, можно спрошу? Ты говоришь только про отца, твоя мама... она... – замялся Тони.

– Мама погибла, когда мне было восемь.

– Ох, прости, я не хотел... – начал извиняться он. Все всегда извинялись, хотя в этом совсем не было необходимости.

– Ничего, я давно смирилась. Она погибла в автокатастрофе, ехала по ночной трассе и... в общем... – я так и не договорила, просто вздохнула. В конечном счете итог был понятен без пугающих подробностей. – Иногда я думаю, как бы все сложилось, будь мама жива, но отец нашел в себе силы жить дальше, делал все возможное ради меня, и я очень ему благодарна.

– Ты – хорошая дочь, – Тони дотронулся до моей руки и немного сжал пальцы. Потом отпустил. Я опять с тоской вспомнила наши вечные скандалы с папой. Хорошая дочь была бы благодарной отцу не только в рассказах давнему знакомому, но и вела бы себя соответствующе со своим единственным родным человеком. Я снова вздохнула своим мыслям. Тони вдруг неожиданно громко произнес, указывая направо. – Смотри.

Сквозь плотную темную листву я увидела блеклый свет от непонятного источника, а затем искры сверху – трамвай. В три ночи? Что за мираж?

– Побежали? – Тони потянул меня за руку.

– Что? Он, наверное, никуда не едет, – отреагировала я, но побежала вслед за Тони. Я не смотрела под ноги, надеясь, что не наступлю голыми ступнями ни на что острое.

Спящие дома были темны и безмолвны, предрассветная тишина нарушалась лишь стрекотом цикад в парке. Светящиеся квадраты окон трамвая выглядели так инородно в умиротворенной ночной картине, но странно маняще. На миг я

остановилась, поражаясь возникшему из ниоткуда волшебству. Тони оглянулся на меня, в его глазах было столько ребяческого воодушевления, волосы небрежно растрепались от бега. Почему-то он привиделся мне сейчас молодым поэтом-романтиком, наконец нашедшим свое вдохновение. Он протянул мне руку и широко улыбнулся. Дыхание перехватило, я почувствовала внутри сильный прилив теплоты неясного происхождения, что не помешало мне поднять руку и дотянуться до теплых пальцев Тони.

– Добрый вечер, вы сейчас поедете? – спросил он у не по-ночному бодрой женщины-водителя. Она говорила по телефону и только закивала в нашу сторону. – Отлично!

– А нам подходит этот маршрут? – неуверенно спросила я, внутри все еще танцевали жгучие чертики от пережитых эмоций последних секунд.

– Угу, – пробормотал Тони, расплываясь, – правда, нам придется еще немного прогуляться.

Мы пошли по узкому проходу между сидениями, Тони восторженно говорил мне в спину: «Я не ездил на трамваях тысячу лет! С ума сойти! Представляешь, чтобы в три часа ночи встретить общественный транспорт, какая-то фантастика».

– Сядем здесь? – он указал на высокое место.

– Садись ты, я хочу постоять, – по какой-то неведомой причине ответила я. Мне хотелось сохранить то приятное тепло, будто от ненужных движений оно могло пропасть.

Тони сел и довольно откинулся на спинку высокого сиденья. Наши глаза оказались на одном уровне, мы были почти так же близки, как в танце несколько часов назад в клубе. Трамвай с рывком тронулся, и я вдруг поцеловала Тони. Это было вовсе не случайным, я отчаянно захотела прикоснуться к его губам, почувствовать вкус поцелуя мальчика-поэта, привидевшегося мне в знакомом мужчине. Я не осознавала, что боюсь, ровно до того момента, пока Тони не притянул меня за талию ближе. Страх мощным водопадом скатился от горла до пяток и бесследно исчез. Тони желал того же, что и я. Пожалуй, я совершила самый смелый поступок за свою жизнь. Я чувствовала, как нарастает желание,

как разгорается искра, наполнявшая меня теплом изнутри. Я задержалась у его губ, вдыхая приятный аромат и собирая крупички уверенности, чтобы посмотреть ему в глаза.

Трамвай продолжал неспешное движение по ночному городу, а мы замерли в вакууме осознания случившегося. Секунда растянулась в вечность. Мы смотрели друг другу в глаза на предельно близком расстоянии, только одна мысль билась трепещущей птицей в моей голове: «О чем он сейчас думает?» Я не могла отвести от него взгляд, не могла даже вздохнуть. Одна рука Тони по-прежнему крепко сжимала мою талию, другая начала плавно подниматься и щекотно проскользнула по моей шее. Запустив пальцы в волосы, Тони мягко притянул мою голову для нового поцелуя.

Он был иным, медленным и осознанным. Я прижалась всем телом к Тони, ощущая нежные поглаживания его рук и плавные возбуждающие касания наших языков. Я провела рукой по сильному плечу и, подобно Тони, завела пальцы в его волосы, отчего он издал тихий стон. Я не сразу вспомнила, что другая рука крепко сжимает туфли, и ткнула ими Тони в грудь, разрушив волшебный момент. Он отстранился и, улыбаясь, взял у меня туфли, чтобы положить их на пустующее соседнее сиденье.

– Майя, – хрипло произнес он и провел большим пальцем по моей щеке.

Вся моя смелость куда-то улетучилась, я почувствовала опустошающий прилив смущения, словно сделала что-то до крайности неприличное. Хотя поцелуй был прекрасен, но... я не верила, что действительно первой поцеловала Тони. «О чем я только думала?» Единственным порывом было извиниться, но я упрямо молчала.

– О чем ты мечтаешь? – вдруг тихо спросил он.

Я подняла на него глаза, его лицо было спокойным и серьезным, губы покраснелись, дыхание еще не восстановилось.

– Сейчас? – мой голос был словно чужим, зажатым и хриплым.

– Да, – кивнул он, – сейчас и вообще.

Я моргнула и облизала губы.

– Сложный вопрос, – честно призналась я. Я мечтала слишком о многом: о доме в лесу, о собаке, о более высокооплачиваемой работе, хоть настоящая мне тоже нравилась. О любимом человеке, который однажды станет моим мужем; о детях, играющих на детской площадке, которую мой гипотетический муж сам построит на заднем дворе не менее гипотетического дома. Я всегда была мечтательницей, хоть и не до конца верила в исполнение своих желаний, ограничиваясь небольшими планами на завтра.

– Расскажи мне? – Тони склонил голову и нежно посмотрел на меня. – Хотя бы что-нибудь.

– Я всегда мечтала о собаке, – я пожала плечами, эта мечта казалась самой безобидной. – Папа никогда не разрешал мне заводить животных, потому что тогда ему пришлось бы за ними ухаживать, выгуливать, мыть, покупать корм. Я не осознавала во всей мере ответственности. Но каждый год загадывала на день рождения собаку. Глупо, да?

– Вовсе нет, почему ты так думаешь? Иногда хочется иметь рядом безмолвного друга, который будет любить тебя просто за то, что ты есть, – Тони осторожно взял меня за руку и начал гладить ее большим пальцем. – У меня была в детстве собака. Точнее, родители ее завели еще до моего рождения, и мне достался уже престарелый ленивый шарпей.

– Правда? – разговор на отстраненные темы возвращал мое душевное спокойствие. – Как его звали?

– Ее, она была девочкой... Точнее, старушкой Зои. Я до сих пор помню, какой была ее шерсть на ощупь. Мне даже кажется, что эти тактильные воспоминания были первым, что я начал осознавать, как человек. Так странно, я не припоминаю прикосновения мамы в детстве, но ощущаю теплые складки кожи Зои. Она умерла, когда мне было три или четыре. Точнее, мне сказали, что она убежала к своим друзьям-собакам, – Тони усмехнулся, на губах появилась улыбка, но глаза остались грустными. Он вдруг встрепенулся и вгляделся в темноту за окном. – Нам нужно скоро выходить, чуть не проехали.

Спустя минуту мы стояли на незнакомой мне остановке. Я бывала здесь раньше лишь проездом. Старый спальный район, очень зеленый и какой-то по-домашнему уютный. Небо полностью посветлело на востоке, но солнце еще не появилось из-за горизонта.

– Нам сюда, – Тони глянул на часы, взял меня за руку и быстрым шагом повел во дворы. Лукаво прищурившись, он спросил. – Не страшно?

– Страшно? – я опешила. – А должно быть?

– Неа, – он рассмеялся, показав ряд белых зубов. Верхние клыки немного выпирали вперед, делая его похожим на вампира. Но страха у меня так и не появилось. Марго бы настучала мне по голове, узнав, где я шатаюсь среди ночи. А папа... Лучше было не развивать тему даже мысленно! Тони указал прямо. – Вон тот дом. Там жила моя бабушка, и мама часто привозила меня к ней.

– Мы идем в ее квартиру? – теперь я напряглась сильнее. Я, конечно, сама поцеловала Тони несколько минут назад, но оказаться с ним наедине в чужом доме – было возмутительно поспешно.

– Не совсем, – он подмигнул мне, чем только усугубил мои сомнения в правильности идеи не уезжать домой с Марго и девочками. – Что ж, пожелай мне удачи.

Я не совсем поняла, в чем именно Тони была нужна удача. Он достал связку ключей и, звеня, вытянул два небольших ключика и первым шагнул в темноту незнакомого мне подъезда. Я, не раздумывая, сделала шаг следом.

– Подождешь меня здесь, хорошо? – спросил он, отпирая замок простенькой металлической двери на первом этаже одним из ключей. Я кивнула.

Тони скрылся внутри квартиры. Я заглянула внутрь через приоткрытую дверь: типичный «бабушкин» интерьер – старый шкаф в прихожей, потрескавшийся линолеум на полу, крашеные белой краской двери.

– Надеюсь, пледы не до конца съела моль, – смеясь, произнес Тони, когда выходил. Он держал в руках два больших свертка. – Бабушки не стало три года

назад, а заняться продажей ее квартиры пока не удалось.

– Вы были с ней близки? – спросила я, чтобы разрушить пелену молчания, которая окутала меня.

– Едва ли. Она была школьной учительницей и помогала мне с уроками, но в то же время она была довольно строгим человеком, даже в чем-то жестким, – мы поднимались выше, на пятый этаж. – С годами ее одолела деменция, и я почти перестал с ней общаться, пожалуй, это было малодушием с моей стороны. Потом я уехал учиться за границу, а когда вернулся, она уже переехала в дом престарелых.

Я вспомнила свою бабушку по маме, она тоже всегда была строга ко мне. Все детство у меня не укладывалось в голове: я помнила маму исключительно доброй и веселой, как же у ее матери мог быть диаметрально противоположный характер? Но с годами я кое-что поняла: я не могла заменить ей погибшую дочь, с потерей которой она так и не смирилась. Зато мои черты – карие глаза и светлые волосы – так напоминали ей мою маму, что она просто не могла меня видеть. Папа говорил, что бабушка любит меня, просто очень грустит по маме, но для ребенка такое оправдание, увы, не работало.

– Ты так и не пожелала мне удачи, Майя, – Тони остановился на верхней площадке и поднял вверх небольшой ключ. Его вопросительно-обиженный взгляд развеселил меня.

– Удачи! Хотя я и не понимаю в чем, – я, конечно, начала догадываться, куда мы направляемся еще вниз, но, когда Тони полез на металлическую лестницу, ведущую на крышу, любые сомнения отпали.

Замок щелкнул и Тони издал вздох облегчения.

– Помочь тебе подняться? – спросил он, придерживая рукой квадратную дверцу в потолке.

– Нет, я сама, – даже не могла представить, как Тони мог мне помочь забираться по вертикальной лестнице, уж не снизу ли он хотел меня страховать, подглядывая мне под пышную короткую юбку? Я захихикала, вообразив столь нелепую ситуацию.

Тони подал мне руку, мы оказались в крошечной темноте небольшой технической постройки. Я никогда прежде не бывала на крышах и даже не предполагала, законно ли было такое проникновение. Он открыл дверь, впустив в сырое крошечное помещение свет и свежий утренний воздух, и я ступила на залитую первыми рассветными лучами крышу.

– Ах, – вырвалось у меня. Одной стороной дом стоял на краю большого оврага, впереди до самого горизонта не было высоких построек, только плотно неровной холмистой земли и утопающие в зелени небольшие садовые участки с разноцветными домиками, лишь справа и слева раскинулся город в его будничном виде: серые дома, пыхтящие трубы котельных. Я смотрела на бескрайнее небо, куполом раскрывшееся перед глазами, еще темное на западе с почти погасшими звездами, и светлое на востоке. Солнце уже начало показывать свое пузатое тело, разрастаясь большим насыщенно-лимонным шаром. Отдельные лучи медленно скользили по деревьям и холмам, создавая длинные неровные тени. В овраге лежал сизый туман, который будто живой организм, менялся и двигался по мере восхода солнца.

– Ты дрожишь, – шепнул Тони и накинул мне на плечи свой пиджак. Я даже не заметила, что мне стало холодно. Я рассеянно кивнула, возвращаясь в реальность, руки и ноги были покрыты гусиной кожей, но я не могла бы сказать с уверенностью – от прохладного утреннего воздуха или пережитого трансцендентного восторга.

– Здесь невероятно, – призналась я, плотнее укутываясь в теплый пиджак с запахом Тони.

– Да, я очень люблю это место. Только давно здесь не бывал.

– Откуда у тебя ключ?

– Долгая история, – рассмеялся Тони. – Но будучи подростком, как любой отбившийся от рук маленький демон, я искал свои способы уединиться от враждебно настроенного мира. Быть непонятым – какая же такая трагедия вселенского масштаба! Особенно когда тебе пятнадцать.

– Понимаю, – я сразу вспомнила, как убегала от отца после наших бесконечных скандалов. Жаль, что в моей юности не было такой живописной крыши.

– Я сейчас, – Тони отошел в сторону, чтобы вытряхнуть два пледа. Пыльная пелена поднялась в воздух, он виновато оглянулся на меня, но я лишь улыбнулась в ответ. – Давай устроимся здесь?

Он расстелил один плед на крыше, ближе к краю. Тонкие металлические ограждения не казались слишком надежными, но, тем не менее, я присела на предложенное место, не смотря вниз. Тони сел близко-близко ко мне и накрыл наши ноги вторым пледом.

– И часто ты здесь прятался от мира? – мне было очень уютно сидеть вот так, рядом с Тони, не говоря уже о том, какой потрясающий вид открывался перед нами.

– Да, – он смотрел вдаль. Туман в овраге стал почти прозрачным и поднялся чуть выше. – Кажется, одно лето я только здесь и сидел целыми днями.

– Что ты делал?

– Злился, – он хитро заглянул мне в глаза. Как бы он ни пытался выдать свой ответ за сарказм, я видела, что он сказал полную правду.

– Все лето? – решила я подыграть.

– Угу, – он отклонился назад и облокотился на локти.

– Наверное, нелегко было злиться в таком чудесном месте?

– Иди ко мне? – Тони вдруг прервал тему. Я быстро поняла, что делиться подробностями «того лета» он явно не желал. Я помедлила, но все-таки прилегла к нему на плечо, отметив про себя, что мне очень уютно. Он проговорил мне в волосы. – Что ты больше любишь – лето или зиму?

– Ни то, ни другое. Я люблю весну.

– Потому что тебя зовут Майя? – не видя его лица, я чувствовала его добрую улыбку.

– Ты пошел по самому простому пути, – хмыкнула я. – Вовсе не поэтому. Мне нравится весенний воздух, еще прохладный, но необычайно свежий. Наверное, любовь пошла из детства. Я часами гуляла после школы, рассматривая и подмечая все вокруг: тонкий лед, под которым застыла прошлогодняя листва; проснувшиеся мухи и первые бабочки; набухшие почки на деревьях. Для меня все выглядело как волшебство.

– Ты чувствовала себя одинокой?

– Почему? – я резко повернула голову. Сама не знаю, почему меня так расстроил его вопрос. Во всяком случае, он был вполне логичным, зная предысторию: моя мама умерла, а я одна бродила по двору. В глазах Тони не было обычной для подобных тем чрезмерной жалости или сострадания, просто любопытство. Он пожал плечами. – Вообще... Иногда я, конечно, чувствовала одиночество. И очень тосковала по маме. Но не все мое детство прошло под черным флагом, у меня были друзья, и отец, и бабушки с дедушкой...

– Майя, – аккуратно перебил меня Тони, я вскинула на него глаза и почувствовала, как слезы потекли на щеки. Он провел пальцем по ресницам, собирая тяжелые капли. Я даже не осознавала, что так расчувствовалась. – Ты очень красивая.

Я сморгнула оставшиеся слезы. Тони ловко перевел щепетильную тему, но я больше растерялась, чем засмущалась или обрадовалась его комплименту. Он решил не останавливаться:

– У тебя такие невероятные глаза, даже немного золотые, – он сократил и без того небольшое расстояние между нами и пристально начал рассматривать меня.

– М-м, наверное, из-за света, – неловко оправдалась я. Он слегка покачал головой.

– Возможно, но скорее из-за... – он приблизился вплотную, почти касаясь губами моих губ, я чувствовала его горячее дыхание, когда он договорил, –

удивительной красоты твоей души.

Нежное прикосновение, легкое и теплое. Он не был настойчив, медленный текущий темп поцелуя позволял уследить буквально за каждым касанием наших губ, внося непостижимую осознанность в настоящий момент. В тот бесконечный миг только мы существовали во всем мире. Едва касаясь моей кожи, Тони проводил пальцами по лицу, шее, ключицам, плечам. Я чувствовала, как тело реагирует на его подобные струящемуся шелку ласки, и просто наблюдала за собой, не желая разрушать магию мгновения. Мы опустились на плед, и Тони крепко обнял меня, словно кокон, защитив от всех невзгод.

– Ты устала, – произнес он, чмокнув меня в лоб, его слова не звучали как вопрос. «Что? – все мое существо требовало продолжения. – Нет же, нет, нет, я не устала, я хочу еще». Но вслух я ничего не ответила. Тони еще крепче прижал меня, позволяя удобнее устроиться в его объятиях, и прошептал. – Если хочешь, поспи, Майя. Я буду рядом.

Я в отчаянии уткнулась ему в грудь, в моих силах было возобновить чудесные ласки и поцелуй, но я просто молча лежала, стараясь не расплакаться. Его запах и тепло тела навевали дрему, я прикрыла глаза и тут же, на удивление, провалилась в сон.

Глава 3

Когда я проснулась, солнце стояло высоко в небе. Стараясь не разбудить Тони, я откинула плед, укрывавший нас, и присела. Голова отвратительно звенела: громкая клубная музыка, алкоголь и бессонная ночь давали знать о себе самым предательским образом. Я тихонько порылась в сумочке и выудила телефон: 11.42. Три пропущенных от папы, два – от Марго. «Черт, что за дуреха!» – отругала я себя. Марго должна была меня выручить, прощаясь, мы договорились, что для папы я «остаюсь у нее». Но, кажется, она и сама не ожидала, что я не вернусь домой к утру. «Ладно, разберусь с этим позже», – с таким решением я положила телефон обратно в клатч.

Я сняла пиджак и положила рядом с Тони. Аккуратно нагнувшись, я стала рассматривать его. Он лежал на спине, откинув одну руку в сторону вверх,

дыхание было спокойным и ровным, тонкие губы – чуть приоткрыты. Я старалась запомнить мельчайшие детали: две небольшие родинки на щеке, легкая щетина на подбородке. Русые волосы непослушными мягкими волнами рассыпались по пледу. Воротник белоснежной рубашки был немного расстегнут, обнажая крепкую гладкую грудь. Я улыбнулась ему в последний раз и осторожно встала. «Увидимся ли мы когда-нибудь?» – я подняла сумочку и туфли с черной шершавой кровли и на цыпочках побрела к выходу, оборачиваясь через шаг, чтобы проверить, не разбудила ли Тони.

Только прикрыв чердачную дверцу и оказавшись в подъезде, я выдохнула с облегчением. Быстро надев туфли и застегнув все непослушные тонкие ремешки, я помчалась по ступеням вниз. Как ни странно, я не ощущала усталости. Только звон в голове напоминал о веселой ночи, но остальное тело было легким и свободным.

Сев в такси я набрала Марго.

– Детка, ты с ума сошла? – прокричала из трубки подруга. – Твой отец мне трезвонит все утро.

– Ты же не сказала ему... – начала я.

– Конечно, нет! Соврала, что ты дрыхнешь, как убитая, – я даже представила, как она сейчас мило насупилась.

– Спасибо, – радостно отреагировала я. Все-таки, на Марго всегда можно было положиться.

– Ты расскажешь мне, где тебя черти носили?

– Или с кем? – я растянулась в усмешке, желая позлить лучшую подругу.

– Пф, и так понятно! – фыркнула она. – Ты что-то натворила, признавайся?

– Вот ты какого мнения обо мне? – деланно обиделась я.

– Да, такого, Майя! Вчера я ничего тебе не сказала, оставляя тебя посреди ночи с незнакомым парнем. Я только надеялась на твое благоразумие, но, видимо, зря!

– Ты что, мне теперь вместо мамы? – я рассмеялась, но тут же ощутила дыру в груди, из которой повеяло могильным холодом. – Прости.

– За что? – тон Марго оставался таким же стальным.

– Не знаю, – я облизала пересохшие губы, в животе громко заурчало.

– Майя, что случилось? Ты где, вообще, сейчас? – она немного смягчилась, я слышала беспокойство в ее голосе.

– Еду домой в такси, минут через двадцать буду на месте, – спокойно ответила я.

– Хочешь, сегодня встретимся?

– Да, хорошо. Только помогу папе по дому. Спишемся позже? – предложила я.

– Конечно, – в голос Марго прокралась незримая улыбка, которая снова померкла со следующим вопросом. – Он тебя не обидел?

– Нет, что ты, – волной накатили воспоминания прошедшей ночи, такой невинной и волшебной. – Я тебе расскажу при встрече, окей?

– Договорились, – согласилась Марго и гневно добавила, – блудница.

Я улыбнулась, но не стала опровергать ее ложную догадку. Я несколько не сожалела о прошлой ночи – просто не о чем было сожалеть, все было идеально. И... я не печалилась о том, что оставила Тони одного, а сама сбежала. Сказки иногда должны оставаться сказками, реальный мир для них бывает невыносимо суров.

Как ни странно, с папой все прошло гладко, допроса с пристрастием не последовало – Марго умела убеждать. Я выпила таблетку обезболивающего и помогла папе с уборкой квартиры. После приготовила овощное рагу, пока папа возился с рухнувшей полкой в моем шкафу.

– Мэй, может тебе уже выкинуть все барахло? – зайдя на кухню, папа потряс моими университетскими конспектами, веса которых и не выдержала мебельная полка.

– А вдруг пригодятся? – я вытерла мокрые руки о кухонное полотенце.

– В кого ты такая бережливая? – нахмурился он. Я расхохоталась, мы оба знали, что он сам хранит в гараже кучу ненужного хлама, с которым никак не расстанется.

– Ну да, ну да, – смеясь, я протиснулась мимо него и пошла в свою комнату, чтобы оценить сделанную работу. Стопка исписанных тетрадей стояла на полу, инструменты уже были сложены в аккуратно сколоченный деревянный ящик. Полочка встала на свое место, папа был замечательным мастером. Я крикнула на кухню. – Пап, все супер, спасибо!

«Пожалуй, надо бы разобрать бумаги. Много мне, действительно, никогда не пригодится», – подумала я, быстро листая тетради. Я закончила учебу год назад, но выбросить драгоценные конспекты означало поставить точку на прошлом. Беззаботном, чудесном, радостном. Я всегда любила учиться, полностью погружаясь в новые знания, как в котел со спасительным эликсиром. Пора было двигаться дальше. Оставив все, как было, я написала Марго: «Давай через полчаса в «Зазеркалье»? «Ок», – сразу пришел ответ. Было около семи, воскресенье, значит, свободные столики в нашем любимом кафе должны были найтись. Я немного подкрасила глаза, надела голубые прямые джинсы и свободную белую футболку. Белый цвет напомнил о Тони, я подмигнула своему отражению в зеркале и пошла обуваться.

– Только не очень долго, завтра понедельник! – буркнул папа с кухни.

– Хорошо, – я сунула ноги в свои любимые кроссовки и выпорхнула в теплый летний вечер.

«Неужели сегодняшний день начинался так необычно? Кажется, словно это было во сне», – думала я, забираясь в старенький Шевроле. Я старалась не заикливаться на воспоминаниях прошлой ночи и утра, но они без разрешения пробирались в самые дальние уголки сознания, не желая покидать меня. Что ж,

оставалось только покорно наблюдать за своим состоянием и глупо улыбаться.

Марго уже сидела на нашем обычном месте, листая меню. «Она же и так знает его наизусть!» – изумилась я. На ней была длинная красная юбка и алая блузка – настоящая Кармен, не хватало только розы в каштановых волосах. Увидев меня, она шумно захлопнула меню и махнула рукой.

– Привет, отлично выглядишь, – я наклонилась обнять ее.

– Спасибо, ты тоже, – она всегда так говорила, хотя чаще всего я была одета максимально просто, как и сейчас: джинсы и футболка. – Я уже заказала нам чай. Облепих...

– Облепиховый с корицей и медом, – вместе проговорили мы и рассмеялись. Мы набрали на это кафе прошлой зимой, когда самым востребованным напитком были горячие чай и глинтвейны. Так и закрепилось: «Зазеркалье» – значит облепиховый чай. – А поесть не заказала? Я такая голодная.

– Нет, я сегодня что-то не могу есть, – она скривила губы и высунула язык, изображая тошнотворную гримасу.

– Понимаю, – я подмигнула подруге, поскольку мое похмелье тоже не до конца прошло. – Тогда закажу себе что-нибудь.

Я не стала заглядывать в меню; подозвав официанта, я попросила принести мне легкий салат с овощами и креветками – мне нравился его приятный ненавязчивый вкус с сочной чуть кисловатой заправкой. К удивлению Марго, я заказала шоколадный фондан. Обычно я не выказывала интереса к десертам.

– Ты что, больше не худеешь? – с поддельным ужасом произнесла она, заставив официанта плотно сжать губы, чтобы скрыть усмешку. Я заметила, как он быстро оглядел меня из-под опущенных ресниц. Даже несмотря на мою объемную футболку, я все равно казалась слишком худой, тонкие руки, узкое лицо. Так что ее комментарий всеми был расценен правильно и без обид – типичный сарказм.

Когда официант отошел от нашего стола, Марго пристально посмотрела на меня, желая немедленно начать расспрос. Я в общих чертах рассказала ей о нашей прогулке с Тони и ее завершении на крыше дома. Марго заинтересованно слушала, почти ничего не говоря.

– И ты просто ушла? – она округлила глаза. Это была ее первая полноценная фраза с начала моего рассказа.

– Да, – я пожала плечами и невинно подняла брови.

– Хм, – она откинулась на высокую спинку зеленого бархатного кресла. Не знаю, что именно она рисовала в своих фантазиях целый день, но, кажется, мне удалось ее удивить. Она снова задумчиво протянула. – Хм-м.

– Что «хм»? Больше ничего не собираешься сказать? Помнишь, ты же хотела меня убить днем.

– Кажется, он не такой плохой, этот Тони, – она постучала длинным ногтем по зеркальной поверхности стола. – Так почему ты ушла?

– В смысле? – теперь пришла моя очередь округлять глаза.

– Я тебя не понимаю, Мэй, – она приблизилась и стала говорить тише. – Ты западаешь на всяких мудаков, которые через неделю исчезают без следа, а когда появился парень, который даже не попытался тебя трахнуть в первый день знакомства – ты делаешь ноги.

– Ты же сама все прекрасно знаешь, – я обиженно взглянула на нее. Не она ли утешала меня весь последний месяц после расставания с Пашей. И мы встречались не неделю, как она опрометчиво выразилась, все-таки пять месяцев – не сиюминутное увлечение.

– Ладно, – она подняла руки ладонями вверх, изображая жест «сдаюсь». Не знаю, в чем именно она признавала свое поражение, в своих нападках или в моей кривой, по ее мнению, логике. Марго сменила тему. – Понравилось, как мы отметили твой день рождения?

Мое настроение слегка испортилось. Хорошо, что официант принес мой салат и чайник с веселым оранжевым чаем, давая немного времени собраться с мыслями.

– Все было отлично, – я подцепила креветку и стала медленно жевать. Гнев и обида не уходили.

– А Дана сегодня идет на свидание, – как бы невзначай прошептала Марго и уставилась на меня. Официант принес чашки и мое пирожное.

– Да ладно? С тем Максом? – Марго точно знала, что может вывести меня из нахлынувшей тоски.

– Угу, – она принялась разливать чай по чашкам, после чего взяла десертную вилку и отщипнула мой фондан, растопленный шоколад тягучей массой полился наружу.

– Эй, – завопила я. – Он же застынет, пока я ем салат!

– Не жадничай, я закажу тебе еще, – она широко растянула покрашенные губы. – Как тебе Макс, вроде ничего?

– Пожалуй, слишком говорливый.

– Под стать Дане, – засмеялась Марго. – Мне вчера казалось, что она никак не может найти секунду, чтобы вставить слово в его монолог.

– Точно, – я прикрыла рот рукой, стараясь не выплюнуть листья салата со смехом.

– Хорошо, если бы у них что-то получилось, давно я не видела Дану такой кокетливой.

– Угу. Она ведь рассталась с Карлом больше года назад? И даже не пыталась кого-то найти.

– За самодостаточных женщин, – Марго подняла свой бокал с чаем. Я догадалась, что ее тост относился не только к Дане, но и ко мне, решившей обуздать судьбу своим волевым решением. Мы чокнулись чайными чашками.

Как и обещала, Марго заказала мне еще один десерт, потому что мой фондан сама слопала с великим удовольствием.

– Прогуляемся немного или хватит на сегодня переживаний для твоего отца? – Марго подкрашивала губы у большого зеркала в рост рядом с выходом. Оправдывая свое название, на стенах кафе «Зазеркалье» было развешено множество зеркал самых разных форм и размеров: от простеньких небольших квадратов без рам до тяжелых старинных экземпляров с почти стертым слоем амальгамы. Я глянула на часы – почти девять.

– Лучше поеду домой, нужно подготовиться к работе, – я положила голову на плечо лучшей подруги. Будто две противоположности смотрели на нас из зазеркалья: жгучая красавица Марго, словно яркая страстная темная королева, и я – серенькая мышка с золотисто-пшеничными волосами и светло-кариими глазами. Отражение Марго улыбнулось моему, она чмокнула меня в макушку и спокойно сказала: «Пойдем, красотка».

Подобно беззаветно любящему родителю, она всегда называла меня «красавицей», отмечала мои простецкие будничные наряды, интересовалась моей жизнью. Я часто и много думала, что взвалила роль матери на хрупкие плечи своей ровесницы. Но так сложилась судьба, Марго переехала в наш дом спустя год после смерти мамы, я была потеряна и абсолютно дезориентирована в жизни. Папа старался наладить наш быт, я, как могла, помогала ему, правда, в восемь лет мало что умела. Мы больше молчали, хотя до трагедии всегда находили общие темы. Сейчас я понимала, что мы оба тогда находились в глубокой депрессии, не в силах вытянуть друг друга из темного омута. Помощь пришла извне: Марго, подобно грациозному огненному фениксу, осветила мой путь, открыла дорогу сначала к своему сердцу, полному музыки, сказочных детских фантазий, ярких искренних эмоций, а затем начала потихоньку лечить мое. Мы часами гуляли и болтали по телефону, она заглушала своим голосом мою внутреннюю пустоту, населяла мой выжженный мир новыми чувствами: состраданием, любовью, надеждой. Я доверяла ей больше, чем себе, потому что она была цельной, несломленной, сильной. Она стала для меня опорой и ориентиром, центром моей маленькой детской Вселенной на долгие годы. Жаль, что у папы не оказалось рядом такого человека, который бы помог ему быстрее

увидеть радость жизни, обрести утраченный смысл. Как я догадалась много позднее, таким человеком для него была я сама – миниатюрная копия его любимой погибшей жены. Он так и не обрел личного счастья, но был горд, что вложил в меня все доступные ему ресурсы, душевные, эмоциональные, материальные.

Марго села на пассажирское сиденье и пристегнула ремень безопасности. Пока я выруливала с парковки, она настраивала радио, как делала постоянно, когда я ее подвозила, ей не нравилась моя обычная радиостанция.

– Так-то лучше, – она довольно откинулась, подпевая ритмичной песне. – Не хочешь вернуться в мир соцсетей?

– Вот еще, – фыркнула я. – Пустая трата времени.

– Жаль, – только и сказала Марго. Я быстро глянула на нее и вернула недоуменный взгляд на дорогу.

– Почему? – протянула я, так и не дождавшись продолжения.

– Ему будет труднее найти тебя, детка, – коротко ответила она.

– Пф, прекрати! Он и не станет. Ты же сама говоришь, у меня нюх на мудаков, – я невесело рассмеялась. Как бы я ни обижалась на подругу, но в данном утверждении она, по большей части, была права. Но вовсе не из-за «мудаков» (какое грубое, но точное слово вечно использовала Марго) я несколько лет назад осознанно сделала выбор в пользу отказа от глупых пожирателей времени, я хотела лучше концентрироваться на учебе и полезных занятиях. И сейчас ни один довод не посеет зерно сомнения во мне.

– Хорошо, – улыбнулась Марго. «И все? Так просто?» – я недоверчиво прищурилась. Обычно она ныла, что ей меня не хватает, приходится делать лишние телодвижения, чтобы переслать мне что-то смешное или пошлое.

– Ладно, – я хмыкнула. Тема была исчерпана.

Мы подъехали к ее дому – новенькой высотке, где она снимала квартиру.

– Не зайдешь? На полчаса? – умоляюще пропихнула Марго.

– Мне правда пора, – я виновато пожала плечами, представляя волнующегося папу.

– Тогда до среды, – она послала мне воздушный поцелуй на прощание и выпорхнула из машины подобно ярко-алой бабочке. Марго недавно устроилась подрабатывать в новый фитнес-клуб преподавателем по современному танцу, куда непременно затащила и меня. Правда, она уже была не в восторге от идеи, постоянно жалуясь мне: «Каждый раз новые лица. Я не вижу, что могу зажечь в них огонь, понимаешь, Мэй. Они приходят и так легко уходят, разбивая мне сердце. В студии все иначе – там мы творим, мы двигаемся и дышим в едином порыве. А здесь...» В своей танцевальной студии она учила основам танца совсем маленьких мальчиков и девочек, развивала талант в юных ребятах и раскрывала полный потенциал во взрослых состоявшихся танцорах. Ради спокойствия Марго я готова была потерпеть час в неделю в дурацком фитнес-клубе, который находился на другом конце города. Пусть она видит хоть одно постоянное лицо на занятии.

– Как посидели? – донесся голос папы из гостиной. Он, как обычно, внимательно смотрел воскресные политические шоу. Я называла эти передачи «шоу», если не сказать по правде – «цирк», потому что кроме как клоунами невозможно было определить выступающих там гостей. Я предпочитала игнорировать его времяпрепровождение.

– Хорошо, – я заглянула в гостиную. – Пап, а помнишь, как вы познакомились с Марго?

Он оторвал взгляд от кричащих мужчин и удивленно посмотрел на меня.

– Она ураганом ворвалась к нам в квартиру и съела все конфеты, которые только нашла, – бескомпромиссно отчеканил отец, после чего громко рассмеялся. Я тоже засмеялась. В то время родители строго следили за ее весом, чтобы от природы склонная к полноте Марго прошла кастинг в группу к лучшему в городе хореографу. И она прошла даже несмотря на съеденные конфеты.

– Точно, – я обняла его за плечи. – Ты сразу сказал, что мы станем лучшими подругами.

– Потому что тебе было не жалко делиться с ней конфетами, ведь ты почти не ела сладкого, – он недовольно глянул на мои руки и покачал головой. – Кожа да кости, Мэй.

Я пропустила мимо ушей его извечную претензию ко мне и шепнула на ухо, надеясь, что он не обидится сильнее:

– Марго сегодня съела мое пирожное.

Он вздохнул, но потом засмеялся.

Глава 4

Лето. Только неработающий человек может поистине и всей душой радоваться чудесному времени года, наполненному до краев зноем и залитому лимонным солнечным светом. Корпоративная структура с отработанной схемой плановых отпусков – главный враг человека, желающего хоть немного насладиться таким долгожданным и коротким летом. «Коллеги, на следующей неделе я буду находиться в отпуске. Майя, прошу тебя заняться...» и далее – список задач, которые мне следует выполнять следующие две недели помимо моей собственной работы.

К утру среды я уже чувствовала себя довольно измотанной, каждый день приходилось задерживаться на несколько часов, чтобы доделать работу Марка, который отдыхал на лазурном берегу Франции с женой и детьми. Я даже поймала себя на мысли, что рада вечернему уроку по танцам с Марго – мой непробиваемый стимул уйти вовремя. Я зашла в лифт и прислонилась к стене. Сумка со спортивной одеждой – на одном плече, сумка с ноутбуком – на другом. Я ощущала себя загнанной ломовой лошастью. Я прикрыла глаза, пока лифт наполнялся офисным планктоном, подобному мне.

– Придержите, пожалуйста, – раздался знакомый мужской голос, я резко открыла глаза и вжалась в холодную металлическую стену. В лифт вошел Паша, очаровательно улыбнувшись девушке, остановившей закрывающуюся дверь. – О, спасибо.

Он бегло оглядел толпу в лифте и уперся взглядом в меня, его улыбка чуть померкла.

– Привет, Мэй, – он кивнул и отвернулся, чтобы нажать кнопку своего этажа.

«Отличное начало дня», – с досадой подумала я и опустила глаза в пол. Лифт поднимался выше, люди постепенно рассеивались, выходя на своих этажах, оставляя все больше напряженного пространства между мной и Пашей.

– Как твои дела? – спросил он, делая шаг ко мне.

«Только не надо», – я умоляюще взглянула на него. Мы не виделись с того самого дня, когда он вдруг сказал мне, что пока не готов к серьезным отношениям... Спустя пять месяцев после наших, как я думала, «серьезных отношений». В его холодных голубых глазах не сквозило ни иронии, ни чувства вины.

– Все хорошо, – сухо ответила я. Как не повезло, что мы работали в одном здании. К счастью, он появлялся здесь нечасто.

– У тебя ведь был день рождения недавно? Поздравляю, – абсолютно беззлобно произнес он. Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоить желание вцепиться ему в светлые кудри.

– Спасибо, – не глядя на него, процедила я.

– Что ж, рад, что у тебя все хорошо, – «Зачем он продолжает пустой диалог?» – недоумевала я.

– Угу, – он же не ждал, что я начну расспрашивать, как у него дела?

– Ну, пока, рад был тебя видеть, – когда двери лифта закрылись за ним, я выдохнула из легких весь отравленный своей злостью и его лицемерным дружелюбием углекислый газ.

Как ни странно, негативные эмоции заставили мозг активизироваться, я быстро разобралась со своими заданиями и принялась за дополнительную работу, доставшуюся «по наследству» от Марка: несколько звонков внешним аудиторам и пара отчетов, над которыми я бы провозилась вчера весь день, а сегодня закончила буквально за три часа. Я даже была благодарна Паше (насколько подобное слово можно было применить к нашей с ним ситуации), что он своим появлением и бесполезным диалогом перечеркнул мою усталость.

– Привет! – Марго помахала мне и двум девушкам, зашедшим в танцевальный класс. Она настраивала музыку на большом профессиональном музыкальном центре, стоявшем в углу. Как водилось, до занятия мы не особо разговаривали, чтобы не смущать прочих девушек и редких парней. Марго была убеждена, что они могут посчитать меня «любимицей» преподавателя и с меньшей вероятностью вернуться сюда на следующей неделе.

– Давайте начнем! – она хлопнула в ладоши и включила зажигательную песню, которую обычно использовала для разминки. Ее желтая узкая юбка и белый обтягивающий кроп-топ смотрелись сочно и эротично, странно, что парни не выстраивались в нетерпеливую очередь на занятия Марго, хотя бы просто поглазеть на нее.

Пока мы разминались, а затем выполняли несложные движения, оттачивая каждое по несколько раз и соединяя его с разученной ранее связкой, я вспоминала, как Марго в детстве придумывала разные танцы и учила меня им. Если бы в то время существовал Tik-Tok[2 - Мобильная платформа для вертикальных коротких видео. (Источник: Википедия)], она бы уже к настоящему моменту была долларовым миллионером!

– Сегодня мне даже понравилось, – заявила она, забираясь в мою машину.

– Потому что тебе аплодировали в конце занятия? – я забросила сумку на заднее сиденье.

– Всегда приятно, когда твою работу оценивают должным образом, – она ухмыльнулась пухлыми губами.

– Жалко, что мне никто не аплодирует за мою работу, – я вздохнула и повернула ключ зажигания. Пока я петляла между бетонными колоннами с желто-черной

разметкой, Марго аккуратно подкрашивала губы, смотря в салонное зеркало.

– Ты выглядишь какой-то измученной, – отметила она, закончив свою ювелирную работу в экстремальных условиях.

– Угу, – я нажала на газ, выезжая по крутому склону подземной парковки. – Знаешь, кого я сегодня встретила?

– Кого? – она округлила и без того большие глаза.

– Пашу, – я будто выплюнула его имя, заставив Марго прыснуть со смеху.

– И как он? Все такой же напыщенный блондинчик?

– А как же иначе, – заулыбалась я. Как я ни просила Марго, но своего мнения относительно Паши она никогда не меняла. «Мэй, он такой... неприятный», – сказала она после знакомства с ним. «Почему? – моему удивлению и обиде не было тогда предела. – Он же просто красавчик!» Она аккуратно подбирала слова, заметив мою реакцию: «Он кажется каким-то надменным, даже злым». Подумав немного, она добавила: «Главное, что тебе он нравится, какая разница, что мне показалось». Зато спустя пять месяцев, Марго дала волю своим словам и эмоциям, таившимся, как в омуте, на дне ее души. И да, то были самые черные и скверные слова, которых заслуживал мой обидчик.

– Значит, много работы навалилось? Когда там твой Майк возвращается?

– Марк, – поправила я. – Через полторы недели.

– Тогда крепись, детка, – она постучала ладонью по моему колену. Мы промчались мимо большого торгового центра, и тут Марго вскрикнула, – Ой, Мэй! Можешь завезти меня в «Пирамиду»?

– Ты серьезно? Мы же проехали мимо! – я, негодуя, перестроилась в левый ряд и встала в очередь машин, ожидающих разворота. – Что ты там забыла?

– Завтра у девочки из моей средней группы день рождения. Хочу что-нибудь ей посмотреть. Пойдем со мной?

– А надолго? – не то, чтобы у меня не было лишнего времени, но последнее, что я хотела делать – долго и бесцельно шататься по магазинам.

– Нет, цветы и конфеты, ну... может еще что-то небольшое.

На мое «хорошо» она подпрыгнула и начала победно пританцовывать.

– Так, что же выбрать, – она рассматривала готовые букеты и отдельные цветы в стеклянной витрине. – Что бы ты посоветовала подарить девочке в пятнадцать лет?

– Может быть, герберы? Они кажутся довольно молодежными.

– Нет, как-то слишком просто, – Марго вытянула губы уточкой, продолжая «сложный выбор». – Скажите, а что это за цветы?

Она указала флористу на высокие цветы голубого, белого и сиреневого цветов.

– Дельфиниум.

– Зои недавно покрасила волосы в голубой цвет, будет же классно, если я подарю ей голубые цветы? Смотри, какие они необычные, как моя девочка! – Марго восхищенно смотрела то на цветы, то на меня, радуясь своей гениальной идее.

– Да, конечно, – я сглотнула комок в горле. Зои звали собаку Тони, о чем Марго, естественно, не знала, я не рассказывала ей таких подробностей.

Пока она помогала флористу оформить букет, советуя какие еще цветы можно добавить, я отошла в сторону, безучастно рассматривая вращающуюся стойку с открытками: «С днем рождения», «Дорогой подруге», «Любимой маме», «Лучшему брату».

«Они появляются и исчезают, я не буду делать из Тони очередную трагедию. Пусть он останется моим приятным воспоминанием без сожалений», – твердо решила я, машинально достав открытку «Любимому». Банальный стишок внутри

из серии «Любовь – морковь – люблю – не могу». «Фу», – подумала я и вернула обратно напрасно израсходованный лист плотной бумаги.

– Смотри, – я обернулась, лица Марго не было видно из-за огромного букета. Он, действительно, получился необычным, высокие стебли голубого и синего дельфиниума дополняли белые шапки крупных лилий и какой-то пушистой травы.

– Как здорово! – искренне обрадовалась я.

Дорога до дома Марго заняла не больше пяти минут, она обнимала свой большущий букет, аромат от которого мгновенно наполнил маленькое пространство моего Шевроле.

– Официально заявляю, теперь дельфиниум – мой любимый цветок! – продекларировала Марго. – Разве не прелесть?

– Да, они очень красивые. Но я больше по классике, – я засмеялась, я была до ужаса банальной.

– Только не говори, что розы, Мэй? – она легонько хлопнула ладонью себе по лбу.

– Именно! Белые розы, что может быть нежнее и прекраснее?

– Все, что угодно, – она сокрушенно покачала головой. – Ладно, пора идти. Спасибо, что подбросила, детка. Аккуратнее на дороге.

Она пошла по тротуару и, прежде чем нырнуть в подъезд, помахала мне свободной рукой.

Когда я добрела до своей постели, силы меня окончательно покинули: изматывающий рабочий день, танцы до ноющей боли в мышцах, переживания о разных мужчинах моей жизни. Эмоциональная и физическая истощенность вырубili меня в один миг.

На следующий день, не получив от так-и-не-встретившегося Паши заряд энергии, хоть и негативной, мой мозг отказывался работать. Протестные

настроения уставшего организма настолько усилились, что в шесть часов вечера я закрыла ноутбук, даже не приступив к работе Марка. По дороге домой я получила сообщение от папы: «Что купить в магазине?» На долгом красном светофоре я написала ему: «Стандартный список. И еще стиральный порошок закончился. Хочу шоколадку». Поставив улыбающийся смайлик, я нажала «Отправить».

Дома я разогрела себе немного рагу, оставив последнюю порцию для папы. Вдруг раздался звонок в дверь. «Блин, папа! Ты опять забыл ключи?» – я встала из-за стола и направилась открывать дверь.

– Пап? – спросила я на автомате.

Никакого ответа из-за запертой двери. Я отдернула руку от замка.

– Папа, это ты? – снова осторожно повторила я. Опять нет ответа.

Я напряглась, с детства не любила, когда кто-то звонил в дверь, когда я была одна дома. Я заглянула в глазок и увидела розы. Белые розы. «Марго!» – чуть не подпрыгнув от радости, догадалась я, быстро открыла замок и распахнула дверь.

На пороге стоял Тони. В руках – большой букет белых роз. Я приложила похолодевшую ладонь ко рту, в изумлении уставившись на невероятную картину.

– Значит, открываешь всем незнакомцам? – он старался быть серьезным, но морщинки у глаз выдавали его скрытый смех.

– Тони! – я кинулась ему в объятья, как какая-то оголтелая фанатка на рок-музыканта. Он прижал меня свободной рукой и уткнулся мне в волосы. Я вдыхала его запах и неосознанно впивалась ногтями в его рубашку на спине.

– У меня к тебе столько вопросов, Майя, – шепнул он мне в самое ухо, что мурашки побежали по коже.

– Тогда заходи, – я отступила на шаг, приглашая его войти. Он протянул мне букет, следя за моей реакцией. Я была на тысячу процентов уверена, что без Марго здесь не обошлось. Я вдохнула опьяняющий аромат любимых цветов и прошептала. – Спасибо.

– Я тебя отвлек от еды? – спросил Тони, когда я зашла на кухню, чтобы налить в вазу воды.

– Да, но ничего страшного. Я не очень хотела есть.

– Вообще, я хотел тебя куда-нибудь пригласить, – он подошел сзади и дотронулся до моей руки. Когда он сплел наши пальцы, я прикусила губу. Звук льющейся воды приглушил мой вздох. Я выключила кран и медленно повернулась к нему. Он стоял так близко, глаза потемнели, он тихо на выдохе произнес. – Майя.

И прильнул к моим губам. Он целовал меня так жадно, так неистово, покрывая долгожданными поцелуями каждый сантиметр моего лица. Он нежно обхватил руками мою голову, запустив пальцы в волосы, и пристально посмотрел мне в глаза.

– Почему ты убежала? – хрипло спросил Тони.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Мне нечего было ему ответить. Все мои логичные аргументы рассыпались, когда я увидела Тони на пороге моего дома. Для меня его появление стало невероятным шоком и божественным прозрением. Тони немного нахмурился, так и не получив ответ.

– Ты все еще хочешь убежать? – его лицо вдруг стало серьезным, в серых глазах промелькнул испуг. Я быстро отрицательно покачала головой. Он с облегчением выдохнул. – Хорошо.

Я взяла вазу из раковины и опустила у нее прекрасные цветы.

– Может быть, ты хочешь поесть? – я указала на остывшее рагу на столе. Мне редко приходилось быть гостеприимной хозяйкой, поэтому я постоянно забывала что-то важное: предложить гостевые тапочки или налить стакан воды.

– Я бы лучше посмотрел твою комнату, – его любопытство, граничащее с наглостью, привело меня в замешательство. Но видя его взгляд исподлобья, я не смогла отказать.

Я без слов взяла его за руку и повела в свою небольшую спальню. У меня всегда был идеальный порядок, даже фанатичный, как называла его Марго.

– У тебя очень мило, почему-то я так и представлял себе твою уютную комнату, – он обхватил меня за талию, развернул к себе и приблизил свое лицо к моему. Я ждала поцелуя, но он медлил, касаясь кончиком носа моей кожи, он провел им по щеке, дотронулся мочки уха и шепнул. – Тебя нелегко было отыскать.

– Но ты все-таки нашел, – я прикрыла глаза от удовольствия, губы растянулись в блаженной улыбке.

Он пробежался легкими поцелуями по моей шее, провел языком по окружности уха и ласково прикусил мочку. Я почти рухнула на подкосившихся ногах и еще крепче вцепилась ему в предплечья. Накатившее возбуждение сделало тяжелым низ живота.

– Я не хочу на тебя давить, – тихо сказал Тони, немного отстранившись.

– Просто поцелуй меня, – взмолилась я.

Мы целовались на моей постели, давая полную свободу рукам и словам.

– Ты такая нежная, – он скользнул влажной прохладной рукой под мою футболку, проведя пальцами по животу и нежно сжав грудь, я застонала от его прикосновений. Я постоянно ощущала твердость, наполнявшую его джинсы. Мы продолжали страстные поцелуи и ласки, сплетаясь пальцами, руками и ногами. Я мечтала скинуть одежду, прижаться обнаженной кожей к горячей коже Тони, ощутить его полностью. Мы перевернулись, и я оказалась сверху. Вытянув из брюк край его рубашки и приподняв его, я провела языком по твердому животу, он напряг его еще сильнее и вцепился в простыню, выдохнув: «Ох, Майя». Сладкое мучение нужно было остановить, так как продолжать его здесь было опасно, скоро должен прийти папа.

Я наклонилась над Тони и замерла. Мои длинные волосы касались его лица.

– Папа в магазине, но он скоро вернется, – я была уверена, что моя фраза подействует подобно холодному душу. Тони кивнул и притянул меня к себе на грудь. Гладя меня по спине, он шептал: «Ты такая красивая, сексуальная, невероятная». Я вдыхала его запах через светло-голубую рубашку, он вспотел, и его природный аромат сводил меня с ума. Я приподняла тяжелую голову и заглянула в светлые глаза. – Я счастлива, что ты здесь, Тони.

Глава 5

Я попросила Тони подождать меня в гостиной, а сама быстро привела себя в порядок: пришлось сменить насквозь промокшее нижнее белье, прибрать растрепанные волосы и смыть облетевшую тушь. Я выбрала простое желтое летнее платье с кружевными рукавами. Я торопилась, чтобы не наткнуться на папу, меня не отпускал нелепый инстинктивный страх – познакомиться отца на его территории с парнем-чужаком.

Одного «Вау» от Тони было достаточно, чтобы почувствовать себя самой красивой. Я быстро написала записку для папы, хихикая про себя: «Не волнуйся, я недолго погуляю с поклонником». И в подтверждение написанным словам оставила записку под букетом роз на кухне.

– Куда ты хотел меня пригласить? – мы спускались по лестнице, держась за руки.

– Вообще-то, поесть, но раз ты не голодная...

– Если честно, я очень хочу есть, – призналась я.

– Да ты – врунишка, Майя! – он приподнял одну бровь. – Тогда мой священный долг – тебя накормить.

Когда мы вышли, Тони достал ключи из кармана джинсов, и нам моргнула фарами новенькая синяя BMW. Пришла моя очередь сказать изумленное: «Вау».

Всю дорогу мы провели за разговорами о школе, общих учителях и театральном кружке, куда недолго ходили вместе. Я затаила дыхание, когда Тони вдруг начал читать один из длинных нескладных стихов, которые меня так поражали десять лет назад:

«Человек приходит к развалинам снова и снова,

он был здесь позавчера и вчера и появится завтра,

его привлекают развалины.

Он говорит:

Постепенно, постепенно научишься многим вещам, очень многим,

научишься выбирать из груды битого щебня

свои будильники и обгоревшие корешки альбомов,

привыкнешь приходить сюда ежедневно,

привыкнешь, что развалины существуют,

с этой мыслью сживешься.

Начинает порою казаться – так и надо,

начинает порою казаться, что всему научился,

и теперь ты легко говоришь

на улице с незнакомым ребенком и все объясняешь.

Так и надо.

Человек приходит к развалинам снова,

всякий раз, когда снова он хочет любить,

когда снова заводит будильник».[3 - Отрывок из стихотворения Иосифа Бродского «Современная песня», 1961 г.]

Он замолчал. Я не в силах была отвести от него ошеломленный взгляд. Тони сосредоточенно смотрел на дорогу, будто в одно мгновение вышел из образа. Но во мне, где-то глубоко, в самом тихом и укромном месте души, плакала маленькая девочка, жизнь которой однажды превратилась в развалины. Я медленно повернула голову, внутри все еще звучал эхом тихий грудной голос Тони, на глаза навернулись слезы.

– Майя? – обеспокоенный голос, реальный голос Тони, вырвал меня из потока сознания, в котором перемешалось все подряд: услышанные сейчас слова и строки, воспоминания о маме, о ее нежных руках, добрых карих глазах и вечных маленьких сережках колечками, папины слезы на похоронах, мои одинокие прогулки по холодному весеннему двору.

– Почему ты вспомнил именно это стихотворение? – еле выдавила я, смотря в лобовое стекло невидящими глазами.

Тони ответил не сразу, мне пришлось быстро взглянуть на него, он крепко сжимал руль и глубоко дышал.

– Порой мне кажется, что оно отражает мою жизнь, – он посмотрел на меня глазами полными грусти. Как бы я ни хотела узнать, что именно он имел в виду, о чем, возможно, болело его сердце, я промолчала. Я эгоистично думала о себе, приняв на свой счет печальные строки сложного произведения, хотя у Тони были свои мотивы, чтобы запомнить стихотворение и проецировать его на свою жизнь.

Тони повернул во двор новостройки в центре города и остановился у подъемных ворот подземной парковки. Я плохо знала, какие именно кафе и рестораны находились в окрестностях, поэтому не стала задавать уточняющих вопросов. Мы нырнули в темноту паркинга и остановились у дальней стены, невидимые для всех.

– Ты расстроилась? – он дотронулся до моей руки. Я кивнула. – Иди ко мне.

Я наклонилась к нему и прильнула к груди. Он обнял меня одной рукой, а другой бережно гладил по волосам.

– Зачем я только вспомнил этот дурацкий стих, – сокрушенно признал он.

– Он очень... – я вздохнула, – печальный. И мудрый. Ко всему можно привыкнуть, правда?

Тони испустил долгий задумчивый вздох.

– К некоторым вещам довольно трудно, но, пожалуй, да, ко всему, – он приподнял мое лицо за подбородок. – У стихотворения есть продолжение, но я не очень хорошо его помню.

Почему-то его простое признание заставило меня улыбнуться.

– Надеюсь, у него хорошее завершение, – произнесла я с надеждой. Тони только кратко прикоснулся к моим губам.

Мы поднимались в лифте молча, держась за руки.

– В доме находится какой-то ресторан? – я все-таки решила уточнить.

– Нет, – он глянул на меня с небольшим испугом, – вообще-то, я хотел, чтобы мы поели у меня.

– О, – только и вымолвила я, невинно смотря ему в глаза.

– Если ты, конечно, не против? – он помедлил, придерживая меня за руку, хотя двери лифта уже открылись. Я покачала головой и спрятала смущенную улыбку за волосами.

Его квартира оказалась просто сногшибательной. Дизайнерский ремонт, сверкающий новизной и шиком; обилие света, фактур, необычных предметов

декора.

– Ого, – я могла только надеяться, что мои округлившиеся глаза не слишком выдавали шок. Тони нахмурился, он явно не желал произвести впечатление хвастливого надменного парня.

– Проходи, пожалуйста, – он скинул ботинки и шагнул в широкое светлое пространство кухни-гостиной, потянув меня за собой.

Никакой привычной планировки, широкая прихожая (или, как ее правильнее было назвать, холл?) без каких-либо дверей, неуместных арок из прошлого столетия или иных конструктивных элементов плавно перетекала жилую зону. Большой серый диван напротив глянцевой черной стены, современная матово-белая кухня на противоположной стороне. Справа – две высокие двери до потолка.

– Что бы ты хотела поесть, Майя? – Тони обошел кухонный остров и открыл абсолютно незаметный встроенный холодильник.

– Смотря, что у тебя есть? – изумленно оглядывая все вокруг, я прошла за ним и села на высокий прозрачный стул. Я осторожно дотронулась до удивительной столешницы – темного неровного спила дерева. Я была одновременно напугана такой непривычной роскошью, но больше поражена невероятным вкусом Тони.

– У меня есть немного японской еды, – он начал выставлять на кухонный остров нетронутые пластиковые коробочки с прозрачными крышками, в которых я разглядела несколько видов салатов и роллов. Пока он выуживал из шкафчика приборы, я иронично заметила:

– А ты не ждал гостей, верно?

Он перегнулся через стол и положил рядом со мной упаковку с китайскими палочками, и, смотря мне прямо в глаза, ухмыляясь одним уголком губ, произнес:

– Я мог только мечтать, что ты окажешься здесь.

Его хитрая улыбка и наполненный влечением взгляд, вынудили меня нервно сглотнуть и смущенно отвести глаза. Я, как ни в чем не бывало, стала открывать контейнеры с едой, ощутив острый приступ голода.

Спустя несколько минут я весело ковыряла палочками неведомый салат, стараясь зацепить ускользающий помидор-черри.

– Подожди, – Тони, смеясь, пришел на помощь. Он ловко взял двумя палочками небольшой красный шарик, но, как только поднес его к моим губам, помидор выскользнул и покатился по мраморному светлому полу, оставляя за собой темный след от соуса. Я расхохоталась, даже не заостряя внимание на том, что несколько капель соуса попали на мое платье. Но Тони заметил. – Ох, я испачкал тебя, прости.

Он вскочил и побежал за кухонным полотенцем.

– Прекрати, ничего страшного, – упиралась я, пока он оттирал въевшийся соус. – Видишь, почти ничего не осталось.

Тони положил мокрое полотенце на деревянную столешницу и на секунду замер.

– Ты наелась, Мэй? – его голос изменился, стал более глубоким. Он впервые назвал меня «Мэй» – не самое очевидное сокращение от Майя, так называли меня только близкие. Я кивнула, почувствовав, как мое сердцебиение отреагировало на едва заметные вербальные перемены. И в то же мгновение ощутила теплое прикосновение к обнаженному бедру у нижнего края платья. Тони внимательно следил за своими пальцами, ласкающими мою ногу, не позволяя им проникнуть под тонкую ткань. Я сидела, не шевелясь, дыхание стало поверхностным от осознания, что от точки невозврата нас отделяет только его воля и та метафизическая граница, которую он сам избрал. Его большой палец робко, на полную, скользнул под юбку, Тони поднял на меня глаза, сглотнул и прошептал. – Ты хочешь этого, Мэй?

– Да, – выдохнула я оставшийся воздух из пустых легких. Он убрал свою руку с моего бедра, я, наконец, вздохнула полной грудью, даже не представляя, что его следующие действия заставят меня снова забыть, как дышать.

Я все также сидела на высоком стуле лицом к Тони. Он опустился на колени и, рывком раздвинув мне ноги, прильнул губами к мокрым кружевным трусикам.

– Ох, черт, – я вцепилась ему в волосы и запрокинула голову назад. Ощущая спиной неровный спил дерева, я буквально задышалась от движений его языка.

К моменту, когда мы перебрались на диван, наша одежда была хаотично разбросана по всему полу гостиной. Тони усадил меня на колени и стал нежно ласкать обнаженную грудь.

– Ты сводишь меня с ума, Мэй, – повторял он в перерывах между поцелуями. Я скользила руками по его сильной спине, по гладкой накачанной груди, стараясь запомнить все тактильные ощущения, свои и его. – Я сейчас.

Тони ловко пересадил меня на диван и скрылся за одной из высоких дверей. Появившись на пороге спустя несколько секунд, он зубами открывал серебристый квадратик. Озорная улыбка делала его лицо очень молодым и счастливым. Он присел на пол возле меня и провел языком по внутренней стороне моего бедра, я вздрогнула и, смеясь, прошептала: «Тони». Он придвинул меня на самый край дивана, я ахнула и закрыла глаза.

– Я хочу тебя еще, – сказал Тони. Мы лежали, крепко обнявшись, на безворсом сером ковре, мокрые от пота и дико счастливые.

– Ты серьезно? – я захихикала и повернулась, чтобы видеть его лицо. Глаза Тони были прикрыты, но он улыбался, обнажая выпирающие белые клыки.

– Будет полной банальщиной, если я скажу, что мне всегда тебя будет мало? – он снова сильно сжал меня в объятьях, так, что я уткнулась ему в шею.

– Угу, – глухо ответила я, глубоко вдыхая его запах. – К тому же, мне уже пора.

– О, правда? – его тело обмякло, давая мне немного свободы в движениях. – Может быть, останешься?

Я присела и провела по его влажным волосам.

– Не могу, папа будет ждать меня, я и так уже сильно задержалась, – я прикусила губу. Я тоже хотела бы остаться, но, возможно, было даже к лучшему, что у меня оказалась веская причина уйти. Стоило побыть наедине с собой, осмыслить произошедшее.

– Хорошо, – Тони перехватил мою руку и поднес к своим губам.

По дороге домой я не переставала улыбаться. Мы не столько разговаривали, сколько старались коснуться друг друга при любой возможности. В конце концов, Тони положил руку мне на колено и так ехал до самого дома.

– Мэй? – донесся голос отца из гостиной.

– Да, кто же еще? – засмеялась я. В дверях появился сонный папа, держа в руках телефон.

– Я уж думал, ты сегодня не вернешься, – он недовольно покачал головой, но, скорее, по привычке. – Тебя подвез твой поклонник?

– Угу, – я прошла мимо и чмокнула папу в густую седую щетину на щеке.

– И рассказывать ты мне ничего, конечно же, не будешь, – риторически спросил он.

Я включила свет в ванной, но не зашла туда, а повернулась к папе. Он всегда интересовался моей жизнью, только я не спешила с ним делиться.

– Его зовут Тони. Мы учились в одной школе и случайно встретились в мой день рождения, – я пожала плечами, как бы говоря сама себе: «Видишь, Мэй, не так уж сложно». Папа кивнул и улыбнулся, больше он ничего не стал спрашивать: ни про то, где мы провели вечер, ни про работу Тони или его внешность. Казалось, что папе было достаточно видеть свою дочь радостной.

Я принимала душ дольше обычного, наслаждаясь воспоминаниями о чудесном вечере. Прикосновения Тони, его поцелуи, белые розы. Когда я зашла в спальню, букет стоял на моем столе, а покрывало на кровати – аккуратно заправлено. Меня немедленно залила краска, я не помнила, поправила ли смятое постельное

белье перед уходом. В любом случае, папа ничем не намекнул, что чем-то смущен. Я вдохнула невероятный аромат цветов и присела на кровать, полностью успокоившись. Завибрировал телефон:

«Добрых снов, милая Мэй. Я поражен красотой твоей души и тела. Буду мечтать о тебе всю ночь». Подмигивающий смайлик в конце фразы развеселил меня. Я пожелала Тони спокойной ночи, переоделась в легкую пижаму и легла.

В ту ночь, ночь после нашей первой близости, я никак не могла уснуть: как можно было просто взять и завершить такой потрясающий день, закрыв глаза? Я ворочалась с боку на бок, подумывая, не написать ли Тони. Я то включала экран, то блокировала, даже начала набирать сообщение, но два часа ночи – не лучшее время для нормального общения.

«У стихотворения есть продолжение, но я не очень хорошо его помню», – вспомнились слова Тони. «Не лучшая идея, – я постучала по телефону ногтем, раздумывая – найти или нет то грустное стихотворение. Все-таки, оно так сильно опечалило меня. – Была, не была!»

Я с трудом припомнила некоторые фразы и вбила их в поисковик. На экране появились неровные строки нескладного текста. «Иосиф Бродский. Современная песня», – прочла я название и, пытаясь воссоздать в памяти интонацию Тони, стала читать про себя стих, вдумчиво, напряженно, с каждым словом вбивая в душу тот жуткий смысл, которым был наполнен текст.

Я одними губами повторила: «Ничего нет страшней, чем развалины в сердце». Я прикусила губу, стараясь не расплакаться. Перед внутренним взором всплыло лицо Тони, печальное и мрачное: «Порой мне кажется, что оно отражает мою жизнь». Я ничего не знала о нем, ни о его детстве, ни об отношениях с родителями, в итоге, он тоже мог потерять кого-то из родных и любимых...

Я прикрыла глаза, полные слез, и только тогда поняла, что настоящей близостью и единением был именно тот момент. Ни ласки и поцелуй, ни соединение наших тел, но соединение душ, когда он приоткрыл мне дверь в свой неизвестный мир, наполненный чем-то грустным и страшным.

Сентябрь

Глава 6

– Просыпайся, соня, – Марго тыкала меня в бок, но я отвернулась от ее навязчивого способа поднять меня. Глаза опухли и едва открывались.

– Я не могу, – прошептала я, больше себе, чем подруге, и накрылась с головой одеялом.

– Майя, тебе нужно встать и проветриться, хватит уже лежать мертвым тюленем, – она сорвала с меня одеяло. – И поешь уже!

Я свернулась калачиком, последние дни я чувствовала только холод: внутри и снаружи. Сентябрь принес с собой дожди, и температура резко упала до +10, а отопления в домах не было. Я плавала на поверхности сознания, не давая себе снова окунуться глубже, в ужасные воспоминания. Я не понимала, как со мной могло случиться подобное.

Я присела на диване в гостиной Марго и ощутила сильное головокружение. Вот, что бывает, когда несколько дней ничего не ешь. Дома я не появлялась с момента, когда... «Ох», – подступил очередной приступ тошноты, я свалилась обратно на подушку, не желая, чтобы меня снова вырвало желчью.

– Тебе бы папе позвонить, – прокричала Марго с кухни, по комнате плыл аромат какой-то выпечки, возможно, оладий. – А то он порывается приехать.

– Не надо, – еле слышно произнесла я пересохшими губами, зная, что Марго меня все равно не услышит.

Она появилась в дверях, держа тарелку с чем-то дымящимся.

– Помнишь, как мы с тобой пекли такие? – она показала мне, что лежало на тарелке: тоненькие блинчики с неровными краями. Я улыбнулась через силу. Да,

я помнила. Папы тогда не было дома, и мы, десятилетние девочки, закоптили всю нашу маленькую кухню, пытаясь приготовить первые в жизни блины. – Давай, детка, надо поесть. Так до хорошего не доведешь.

Она оторвала мне маленький кусочек и поднесла ко рту. Я вздохнула, но приоткрыла губы, кто и мог меня накормить и укрыть от целого злого мира – только Марго. Я съела половину блина и сказала, что больше не могу. «Ладно, – тоскливо хмыкнула подруга. – С чего-то надо начинать». Она скрылась на кухне, а я обхватила тощие колени руками и уставилась в пустоту.

Еще две недели назад мы с Тони загорали на пляже. Конец августа выдался катастрофически жарким.

– Почему ты не хочешь ко мне переехать? – он повернулся на бок и приподнял солнцезащитные очки. – До работы – пять минут на машине, центр города, все развлечения рядом. Все выходные мы и так проводим у меня.

– Я уже говорила, – я приоткрыла один глаз и посмотрела на Тони. Солнце ослепляло. – Еще рано.

– Два месяца, Мэй. Или ты из какой-то секты староверов? Никакого секса до свадьбы и все в таком духе? – он рассмеялся.

– Главное правило нашей секты я уже нарушила, – я растянулась в ухмылке и отвернулась, снова закрыв глаза.

– Познакомишь меня с отцом?

– Что? – я резко села и уставилась на Тони. – Ты серьезно?

– Ну да. Должен же я получить благословение, – он сжал губы, пытаясь сдержать улыбку, но один уголок губ непослушно полз наверх. Одной моей поднятой брови хватило, чтобы он не выдержал и засмеялся. – Ладно, для начала, благословение на твой переезд. Ты ужасно несносная, Мэй, я никак не могу тебя уломать. Мне нужна мужская солидарность.

– Там ты ее точно не получишь, папа слишком оберегает меня, – я прищурилась, хотелось сказать что-то колкое, но и не обидеть Тони. Пока я думала, Тони выдал:

– Значит, по его мнению, такой грешник, как я, не может посещать сей чудный храм? – он скользнул пальцами мне между ног.

– Фу! – я оттолкнула его руку. – Что за богохульство! И... мой папа, надеюсь, вообще не думает о том, чем мы занимаемся.

Я поняла, что краснею. Произносить эти слова было, по меньшей мере, странно. Тони промолчал, но на его лице было красноречиво написано, что «все всё прекрасно понимают». «В итоге, мы все – взрослые люди», – мысленно успокаивала я себя.

На следующий день Тони снова напомнил мне о разговоре на пляже, разогревая ужин:

– Ты так и не сказала, когда познакомишь меня с отцом.

– Я думала, ты не всерьез, – я округлила глаза. Он пожал плечами и подошел ко мне, целуя в макушку.

– Я всегда очень серьезен. Особенно в том, что касается тебя, Майя.

– Тогда в эту пятницу, – я была уверена, что он пойдет на попятную, скажет: «Да ладно, я пошутил».

– Хорошо, – Тони снова чмокнул меня в макушку и пошел к звенящей микроволновке. «Блин!» – я совсем не знала, как подготовиться к ней, тем более, папу для подобной встречи.

Как ни странно, папа отреагировал спокойно, даже радостно.

– Ну, наконец-то, и про старика вспомнили, – он наматывал на вилку спагетти. Я уставилась на него: никакого испепеляющего взгляда или неодобрительного комментария. – Ты чего, Мэй?

Я быстро заморгала, спагетти соскользнули с моей вилки и шлепнулись обратно в тарелку.

– Думала, ты будешь недоволен... – честно призналась я и пожала плечами.

– Ты всегда думаешь про меня в плохом свете, дочка. А я только хочу твоего счастья, – он тщательно пережевывал и проглотил кусок мяса, после чего добавил. – Твой Тони, кажется, хороший малый.

Я смущенно улыбнулась, редкие парни достаивались похвалы от моего скупого на эмоции отца. Хотя я мало кого успевала с ним познакомить, мы или быстро разбегались, или папа заочно их ненавидел, отпуская едкие комментарии, в духе: «Даже не мог тебя до дома подвезти, идиот», «Ну и патлы у твоего... как его? Я в окно видел. Ему бы постричься не помешало».

В пятницу вечером Тони забрал меня с работы и отвез в небольшой ресторан, который нам очень нравился. Он нервничал, что было видно и по напряженному телу, и по серьезному взгляду. Даже поцелуй при встрече, обычно жаркий и страстный, показался мне каким-то пуританским.

– Надо было предложить подвезти его, – он нахмурился, когда мы уже усаживались за уютный столик у окна, входящего в живописный цветущий двор.

– Он прекрасно доберется на такси, – я стиснула руку Тони. Она была ужасающе ледяной и влажной. – Все будет хорошо.

Когда папа появился в дверях, растерянно осматриваясь вокруг, я махнула ему, а Тони поднялся. Они пожали друг другу руки, папа сразу попросил называть его просто «Виктором».

Вечер проходил спокойно, однако, неловких пауз хватало с избытком. Папа был не самым общительным человеком, да и Тони тушевался, поэтому мне приходилось выполнять своеобразную роль медиатора между двумя сторонами, предлагая разные темы для разговора.

– Виктор, я бы хотел попросить вашего разрешения, – сказал Тони, я подняла на него глаза, не столько с испугом, сколько с любопытством. – Я предложил Майе

переехать ко мне, но, мне кажется важным, узнать, не будете ли вы возражать.

Я удивилась насколько дипломатично и деликатно прозвучал его вопрос.

– Мэй? – папа вопросительно взглянул на меня. – Тебе решать. Я не вижу причин возражать.

Папа рассмеялся, пряча смущение, он явно не ожидал, что придется принимать какие-либо важные решения в день знакомства с парнем своей дочери. Но по его глазам я поняла, что просьба Тони многое для него значила.

Папа наотрез отказался, чтобы Тони довез его до дома, он махнул рукой и сказал: «Сегодня пятница, идите, погуляйте. Я вызову такси». Только распрощавшись, Тони немного обмяк, казалось, что все напряжение в его теле – физическое и эмоциональное – ушло в момент, когда увозящая папу машина скрылась из вида. Я поняла, что тоже морально истощена, всю неделю я переживала и готовилась к вечеру пятницы, представляя, как все пройдет, к чему может придраться папа. Но он вел себя сдержанно. Неужели Тони, действительно, пришелся ему по душе? Я могла только мечтать о таком!

– Пожалуй, гулять – не лучшая идея, да? – я прижалась к Тони и уткнулась носом ему в шею. Он был гладко выбрит и еще пахнул ментоловой пеной для бритья.

– Кажется, все прошло хорошо? – он легонько гладил меня по спине большим пальцем.

– Просто замечательно, – я нежно поцеловала Тони в уголок губ. – И ты – замечательный.

– Теперь ты переедешь ко мне? – Тони взял меня за оба запястья, словно надев наручники.

– Я подумаю, – я рассмеялась и подмигнула ему. – Мужская солидарность делает меня еще более несносной.

Наконец, Тони засмеялся, я могла вечно смотреть на его живую искреннюю улыбку, на добрые морщинки вокруг родных серых глаз.

– Пойдем домой, Мэй, – он потянул меня за руку. «Домой», – так он сказал впервые. «Домой», – мне нравилось, как прозвучало простое уютное слово из уст любимого человека.

Утром я открыла глаза и перевернулась на спину, чтобы сладко потянуться. Тони лежал рядом, смотря в потолок.

– Привет, – я дотронулась до его голой груди и сонно спросила. – Ты давно проснулся?

Я заметила, что у него влажные волосы, а челка зачесана назад. Никогда раньше не видела его таким, по-своему ему шел образ итальянского мачо, но и обычный растрепанный после душа Тони был прекрасен. Он резко перехватил мою руку и задумчиво повернул ко мне голову. Он с интересом осмотрел мое лицо, в особенности, глаза, словно никогда прежде не видел, но влекомый инстинктом, опустил хищный взгляд на обнаженную грудь. Спустя молниеносную секунду Тони уже покусывал мой сосок.

– Эй, осторожнее, – я вскрикнула и шлепнула его по плечу.

– Значит, не любишь грубость? – он перешел на левую грудь и также, если не сильнее, укусил чувствительную кожу.

– Тони! – я хотела оттолкнуть его голову, но он вдруг приподнялся и навис надо мной, сверля суровым стальным взглядом. «Что за чертовщина?» – я нахмурилась, мне не нравились его игры.

Он резко сдернул покрывало, прикрывавшее нижнюю часть моего тела, и развернул меня к себе спиной, придавив своим телом так, что невозможно было пошевелиться. Я еле смогла повернуть голову, чтобы не задохнуться в подушках. Он скользнул рукой сзади между моих ног и нагло прошептал на ухо:

– И ты говоришь, что тебе не нравится, когда я делаю это грубо, – он пошло ухмыльнулся. Я была поражена, даже напугана жуткой переменой в Тони.

– Я не хочу! – прозвучало гораздо резче и злее, чем я планировала, но я желала как можно скорее прервать то, что он начал. – Тони, перестань!

Я попыталась вывернуться, но он схватил обе мои руки и сильно прижал к матрасу.

– Мне больно! – закричала я.

– Тсс! – он коленями раздвинул мои ноги и резко вошел. Я вскрикнула от неожиданности и, самое ужасное, от боли.

Ничего унижительнее в моей жизни прежде не бывало. Тони даже не потрудился надеть презерватив: то ли он боялся, что я выскользну и убегу, то ли ему было плевать. Он быстро и жестко имел меня, грязно и противно называя «сучкой» или «шлюхой», и после всего просто ушел в душ. Когда вес его тела, наконец, исчез, исчезло и что-то внутри меня. Я так и осталась лежать животом на мягкой серой простыне, не в силах собрать свои мысли и волю во что-то цельное. Шум воды в ванной вскоре прекратился. Тони спокойно вошел в спальню, снял с вешалки белую футболку, достал из комода свои синие джинсы и носки. Я молча наблюдала за его будничными безучастными действиями. Я будто и не присутствовала здесь, ни для него, ни для себя самой – так, бестелесный призрак. Он быстро оделся, вышел из спальни и открыл входную дверь. Когда она захлопнулась, я заплакала.

Я целый день просидела в своей машине, не зная, куда идти. Только вчера папа дал свое согласие, чтобы я переехала к мужчине, которому он доверял свою единственную дочь. Я не могла на следующий же день появиться на пороге дома в слезах. Что бы я рассказала папе? Марго... Я очень хотела позвонить ей, чтобы выплакаться, но не была уверена, что смогу поделиться с ней настолько интимными подробностями. Постепенно я успокоилась и, силой воли остановив поток отвратительных мыслей и напор эмоций, включила логику: «Надо понять, что произошло». Как бы мне ни было больно и обидно, но взрослые должны решать проблемы самостоятельно. Преимущественно, в конструктивном диалоге.

Я посмотрела на себя в зеркало – ужасная картина. Тони не должен был видеть меня такой: с опухшими глазами, красными пятнами и подтеками туши на щеках. Я доехала до ближайшей забегаловки и проскользнула в уборную, никем не замеченная. Пока я умывалась, с кухни доносились аппетитные ароматы дешевой вредной еды. Желудок заурчал, и я решила, что неплохо бы поесть перед трудным разговором. Было уже восемь вечера, а я даже не завтракала.

Забрав пакет с бургером и картошкой фри, я забралась в машину и жадно набросилась на еду. Меня даже не мучило обычное чувство вины от переедания нездоровой пищи, все эмоции до сих пор были на стопе. Что было даже к лучшему. Я сделала глубокий вдох, затем медленный выдох и нажала на педаль газа.

Спустя пятнадцать минут я стояла у входной двери квартиры Тони. «Нашего дома», – как не единожды вчера повторял он, когда мы вернулись из ресторана. «Добро пожаловать домой, Майя», – он вежливо пропустил меня вперед. «Давай закажем завтрак к нам домой?» – сказал он, крепко обнимая меня перед сном. И я поверила, что чудесная современная квартира, в которой прошло столько невероятных нежных ночей, станет моим домом. «Стоп», – произнесла я про себя, чтобы остановить новую лавину мыслей. Я достала ключ, который Тони вручил мне чуть ли не на вторую неделю знакомства, и осторожно приоткрыла дверь.

Громкая музыка доносилась из спальни, жутчайший грубый металл. Я включила свет в холле и замерла, в ужасе уставившись на изменившуюся до неузнаваемости обстановку: прекрасные светлые стены были залиты черной краской, на полу, диване и прочей мебели остались ужасающие подтеки, пятна и разводы. Все было напрочь испорчено! Вдруг сквозь басы я расслышала смех. Женский визгливый смех. Не раздумывая ни секунды, я направилась к двери в спальню, распахнула ее и увидела то, что не могла представить в худших кошмарах: Тони трахал какую-то девицу, привязав ее за руки к кровати. Она стонала и извивалась. Ей, похоже, дико нравилось происходящее. Я словно приросла к полу, дыхание перехватило. Еще немного, и я свалилась бы в обморок, но тут девчонка с мерзкими красными волосами открыла глаза и, увидев меня, вскрикнула: «Ты, на хрен, кто?»

Тони повернул голову, проследив за ее взглядом, в его глазах не было ничего – абсолютная пустота. Он сразу же вернулся к прерванному сексу. Я медленно развернулась, чувствуя, что еще секунда и меня стошнит. За спиной не утихали ее вопросы: «Это что за телка, а?» Когда Тони ответил «Забей, детка», я пулей выбежала в подъезд, согнулась пополам, и меня вырвало.

Моим убежищем на следующие кошмарные дни стала квартира Марго.

– Что он натворил, Мэй? – прошипела она, как только моя бледная тень появилась на ее пороге.

Она уже знала, что с Тони мы... «поссорились». Когда я направлялась к ней, я все думала, как рассказать подруге о том, что случилось, но не нашла ничего вернее, чем открыть правду. Она в ужасе слушала, закрыв рот рукой, на глазах блеснули слезы. Меня сотрясала крупная дрожь, Марго крепко меня обняла, тихо шепча: «Успокойся, детка, я с тобой. Я с тобой».

В первые сутки у Марго я не плакала. Совсем. Пожалуй, это было естественным проявлением шока. Когда в 4 утра Марго встала в туалет и увидела мои стеклянные открытые глаза, ей пришлось дать мне снотворного, чтобы я хотя бы ненадолго уснула. Все воскресенье мы провели вместе. На все предложения Марго я отрицательно качала головой: «Хочешь есть? Хочешь пить? Будешь виски? Посмотрим комедию? Мэй, поешь! Держи, я налила тебе текилы!»

– Мама попросит терапевта в больнице оформить тебе больничный, в таком состоянии я тебя не отпущу на работу, – Марго доставала из сушилки выстиранную спортивную форму и аккуратно складывала ее в рюкзак. – Давай я возьму отгул... Насколько понадобится.

– Не нужно, – я следила за ее действиями. Мне не хотелось создавать Марго проблем, тем более, здесь от подруги было мало толку, молча лежать я могла и в одиночестве. – Спасибо Анне за больничный. Пожалуй, я, правда, не осилю работу.

Понедельник принес слезы. И нестерпимую боль. Я попыталась узнать у Марго по телефону, где лежит снотворное, но она сказала, что будет выдавать мне сама. Вероятно, боялась, что я что-то с собой сделаю. Целый день я прорыдала, немного успокоившись только, когда вернулась Марго.

– Все, я беру отгул! – она присела на край дивана и ласково провела по моему лицу. – Мэй...

– Пройдет, все пройдет, – я положила ледяную руку ей на колено. – Завтра я постараюсь больше отдыхать, хорошо?

– Надеяться на снотворное – бесполезно. А я не знаю, чем могу тебе помочь, – она прилегла рядом со мной. – Разве что просто буду рядом. Так будет попроще. Хорошо?

– Может, тогда на один или два дня? Я не хочу, чтобы тебя уволили.

– Никто меня не уволит! – она грустно улыбнулась. – Я же незаменима.

Действительно, когда Марго осталась дома, я чувствовала себя лучше, словно в силах была выдержать жестокий неожиданный удар судьбы. Мы много говорили о детстве, о наших родителях. Анна, мама Марго, любила меня как собственную дочь и компенсировала недостаток женской любви в моем сердце. Она учила нас готовить, шить и вязать, а когда мы стали постарше, стала брать нас в больницу, где работала. Мы помогали ей заполнять истории болезней пациентов, потому что сама она не всегда успевала, работы у невролога было и без того слишком много. Когда в пятнадцать лет я экстренно попала в реанимацию с острым аппендицитом, она примчалась среди ночи, вызвонила лучших хирургов и сидела со мной и папой до самого утреннего обхода лечащего врача. Она всегда была очень добра ко мне, и я могла только благодарить судьбу за то, что послала мне Марго и Анну после гибели моей мамы.

Так прошло три дня: за разговорами, трогательными объятиями, слезами и безуспешными попытками меня накормить.

– Мэй, завтра мне нужно пойти в студию на генеральный прогон перед концертом, – прокричала Марго. Она забралась на стремянку, чтобы достать осенние сапоги с верхней полки высокого шкафа. Судя по прогнозу погоды, тепло уже не вернется. – Часа на три-четыре. Справишься?

– Конечно, – в горле пересохло, я прокашлялась и повторила. – Без проблем.

– А ты придешь на концерт в воскресенье? – она осторожно спускалась с лестницы, держа длинную коробку перед собой.

– Я как-то... Не уверена, что готова выходить в люди.

– Перестань, я тебе целыми днями говорю, что пора вставать. Да и свежий воздух тебе нужен не меньше еды.

– У меня же голова кружится, как я приду? – не унималась я.

– Поэтому я сейчас же принесу тебе еще блинов! Сегодня за завтраком ты была умницей, съела целых... полблина! – она, хихикая, подмигнула. – Или что тебе приготовить?

– Блины были хороши. Со вкусом детства, – я осилила попытку улыбнуться, первую за все время.

– Я тут подумала, – вдруг сказала Марго после моего «обеда» из целого одного блина, – не нужно давить в себе слезы, лучше выплакать все и сразу!

И включила «Знакомьтесь, Джо Блэк». Всю концовку фильма мы прорыдали, держась за руки. Как только начались титры, Марго быстро набрала новое название: «Сладкий ноябрь».

– Нет, я больше не могу! – простонала я, вытирая еще не высохшие слезы от закончившейся печальной картины.

– Надо! – отрезала Марго. История повторилась, наши синхронные шмыганья носом постепенно перешли в рыдания взахлеб. Наверное, со стороны мы выглядели жалко, что не имело ни малейшего значения. Марго вновь лечила мое сердце всеми доступными ей методами, даже, на первый взгляд, абсурдными.

Я проснулась, когда услышала щелчок входной двери, и подскочила на диване, не сразу поняв, где нахожусь. Я тревожно огляделась и выдохнула, сердцебиение постепенно успокоилось, и я сказала себе: «Просто Марго ушла на репетицию, все хорошо».

Пятничное утро выдалось таким же пасмурным, как и вся первая неделя сентября. Я поднялась и поняла, что меня не штормит, чудодейственные блины Марго помогли. Я поставила разогреваться в микроволновку пару тоненьких блинчиков, самонадеянно вообразив, что теперь справлюсь уже с двумя и отправилась в ванную умываться. Почистив зубы, я решила позвонить папе. Он

знал, что у нас с Тони что-то произошло, но Марго не стала рассказывать ему, что именно, да и подобная информация причинила бы ему ужасную боль. Может быть, он бы даже попытался отыскать Тони и сделать что-нибудь с ним... Может быть, я бы даже не возражала.

– Папа, привет! – мой голос все еще не звучал бодро, но лучше, чем во все прошлые дни.

– Мэй, доченька, как ты? Я так переживаю, возвращайся домой?

– Обязательно, папочка, – я облокотилась на раковину, слезы потекли по щекам, я сдавленно прошептала. – Я скучаю по тебе.

– Не плачь, милая, – он вздохнул, очевидно, ему было нелегко слышать, как я плачу и не иметь возможности обнять и успокоить меня. – Давай я приеду? Я всю неделю хотел, но Марго...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. Who is on duty today? – кто сегодня дежурный

2

Мобильная платформа для вертикальных коротких видео. (Источник: Википедия)

З

Отрывок из стихотворения Иосифа Бродского «Современная песня», 1961 г.

Купить: https://tellnovel.com/sole_lina/za-tvoimi-glazami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)